КБ
34
К-83

Кропоткин.
Письма о текущих событиях.
М., 1918

Н Б
34
К 83
ДП
К 83

П. А. КРОПОТКИНЪ.

ПИСЬМА О ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЯХЪ.

ЗАДРУГА

МОСКВА—1918 г.

КБ
34-
К83

П. А. КРОПОТКИНЪ.

ПИСЬМА О ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЯХЪ.

МОСКВА.
Типогр. Т-ва „ЗАДРУГА“ Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. 9.
1917.

2 экз

Выпуская брошюрою всѣ мои „Письма Текущихъ Событія“, печатавшіяся въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ съ самаго начала войны (съ перерывомъ въ два года вслѣдствіе болѣзни), я воспроизвожу здѣсь и первыя два письма, писанныя въ 1914 году и изданныя съ тѣхъ поръ отдѣльною брошюрою.

П. К.

Октябрь
1917.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
5709161

Письмо первое *).

I.

Дорогой мой другъ!

Вы хотите знать мое мнѣніе о теперешнихъ событіяхъ. Вотъ оно, — коротко и ясно.

При данныхъ условіяхъ всякій, кто чувствуетъ въ себѣ силы что-нибудь дѣлать и кому дорого то, что было лучшаго въ европейской цивилизаціи, и то, за что боролся рабочій Интернаціоналъ, можетъ дѣлать только одно,—помогать Европѣ раздавить врага самыхъ дорогихъ намъ завѣтовъ: нѣмецкій милитаризмъ и нѣмецкій завоевательный имперіализмъ.

Съ этимъ врагомъ боролись уже въ 1871 году, тотчасъ послѣ окончанія франко-прусской войны, Либкнехтъ и Бебель, когда протестовали противъ разбойнаго присоединенія Эльзаса и Лотарингіи къ Германской имперіи, завѣдомо *противъ* воли народа этихъ областей. Они видѣли въ этомъ грабежѣ залогъ новыхъ, неизбѣжныхъ войнъ, а съ ними — пріостановку цивилизаціи и прогресса.

Съ тѣмъ же врагомъ, въ крайнемъ лагерѣ Интернаціонала боролся Бакунинъ, стараясь поднять освободительное возстаніе на югѣ Франціи; а когда это не удалось, стараясь пробудить общественное мнѣніе Европы своими проникновенными письмами,—Lettres à un français,—и тѣми статьями, которыя онъ называлъ своимъ завѣщаніемъ.

*) Первыя два Письма о Текущихъ Событіяхъ, напечататнныя въ „*Русскихъ Вѣдомостяхъ*“ въ сентябрѣ и октябрѣ 1914 года, были изданы товариществомъ „Задруга“ отдѣльною брошюрою въ 1916 г.

На защиту Франціи, тотчасъ послѣ паденія Наполеона III и провозглашенія республики, поднялся старикъ Гарибальди со своими волонтерами, и телеграмма—„La sainte chemise rouge à débarqué à Marseille“ — разнесла по Европѣ вѣсть о высадкѣ Капрерскаго льва на защиту Франціи противъ германскаго нашествія.

Мало того. Не въ однѣхъ крайнихъ партіяхъ, но и среди буржуазіи всей Европы, все, что принадлежало къ передовой мысли протестовало тогда противъ разгрома Франціи, отторженія отъ нея двухъ областей и неслыханной въ тѣ времена контрибуціи въ пять милліардовъ франковъ. Уже тогда лучшіе люди Европы поняли, что военное торжество Германіи и созданіе въ центрѣ Европы могучей Германской имперіи значили пріостановку на долгіе годы той цивилизаціи, носителемъ которой была Франція, и отреченіе самой Германіи отъ идеаловъ, вдохновлявшихъ до тѣхъ поръ ея лучшихъ представителей. Всѣ чувствовали, что торжество прусскаго воинствующаго юнкерства неизбѣжно приведетъ къ торжеству военщины и кулачнаго права во всей Европѣ, — къ общему пониженію культуры.

И въ настоящее время съ этимъ врагомъ до послѣдней минуты боролись мирнымъ оружіемъ всѣ противники милитаризма: одни — протестуя противъ войны вообще, другіе — угрозой всеобщей стачки.

Но разъ сила стародавнихъ устоевъ военнаго государства взяла верхъ, разъ тотъ, который, посылая нѣмецкія войска въ Китай противъ боксеровъ, могъ самъ себя назвать Аттилой и приказывалъ своимъ солдатамъ быть столь же свирѣпыми, какъ полчища Аттилы („Times“ припомнилъ на дняхъ эту рѣчь), сталъ вождемъ и выразителемъ Гер-

маніи; разъ *эта* злая сила взяла верхъ и напустила своихъ озвѣрѣвшихъ солдатъ на Западную Европу, долгъ нашъ— дать отпоръ этой силѣ всѣми средствами въ нашей власти.

Нѣмецкіе дипломаты не забываютъ завѣта Бисмарка, „Одновременно съ военной кампаніей вести дипломатическую кампанію", т.-е. походъ лжи и обмана *). И теперь эти дипломаты воспользовались убійствомъ эрцге́рцога Фердинанда, чтобы увѣрить ничего лучшаго не желавшихъ нѣмцевъ, что заступничество Россіи за Сербію — *причина* войны. Между тѣмъ, государственнымъ людямъ Западной Европы было хорошо извѣстно, что *уже 6-го іюля (19-го новаго стиля) германскимъ правительствомъ война рѣшена была безповоротно.*

Австрійскій ультиматумъ Сербіи былъ *послѣдствіемъ* этого рѣшенія, а не причиной.

Окончательное рѣшеніе было принято 6-го (19-го) іюля.

---

*) Бисмаркъ самъ разсказалъ, какъ онъ обработалъ депешу, полученную имъ отъ прусскаго короля Вильгельма, изъ Эмса, гдѣ король пилъ воды, и какъ онъ обнародовалъ ее въ такомъ видѣ, что выходило, будто Франція была виновницей войны 1870 года. Вильгельмъ телеграфировалъ Бисмарку, что онъ отвѣтилъ французскому посланнику во время гулянья на водахъ, что разъ онъ обѣщалъ отказаться отъ кандидатуры нѣмецкаго принца на испанскій престолъ, другихъ гарантій отъ короля не требуется. Бисмаркъ, остававшійся въ Берлинѣ, пригласилъ къ себѣ обѣдать Мольтке, прочелъ ему депешу и спросилъ его, увѣренъ ли онъ въ побѣдѣ? Мольтке отвѣтилъ утвердительно, насколько предвидѣть возможно въ войнѣ. Тогда, — говоритъ Бисмаркъ, — я не фальсифицировалъ депеши короля: я только такъ „уварилъ ее", что былъ увѣренъ, что завтра весь Парижъ потребуетъ войны—выходило оскорбленіе посланника. Такъ и случилось. Вышло, что въ войнѣ виновата была Франція, и вся Европа *и мы всѣ въ Петербургѣ повѣрили этому*. То же произошло теперь, съ объявленемъ мобилизаціи.

Но сколько разъ война Германіи противъ Франціи уже готова была разразиться со времени разгрома 1871 года! Германія все время жила въ готовности къ ней, а Франція все время ждала новаго вторженія, котораго не въ силахъ была бы остановить. Сквозь всю исторію Франціи за послѣднія сорокъ лѣтъ красною нитью проходитъ сознаніе этой опасности. Три раза,—сперва при Александрѣ II, а потомъ при Александрѣ III,—Россія должна была вмѣшаться, чтобы предотвратить, иначе неизбѣжный, разгромъ Франціи. За послѣдніе же три года общеевропейская война уже дважды готова была разразиться. Въ іюлѣ 1911 г. она была такъ близка, что здѣсь, въ Англіи, уголь для военныхъ судовъ спѣшно отправляли изъ Уэльса въ Ньюкастль *по желѣзной дорогѣ!* Везти морскимъ путемъ было бы слишкомъ медленно и, можетъ-быть, уже ненадежно.

Прошлымъ лѣтомъ Австрія держала подъ ружьемъ милліонъ мобилизованныхъ солдатъ близъ своей восточной границы, а германская кавалерія уже въ февралѣ, когда снѣгъ еще лежалъ въ Россіи, стояла на западной границѣ Царства Польскаго, вполнѣ готовая къ наступленію. Я это знаю отъ очевидцевъ.

Если европейская война тогда уже не разразилась, то только потому, что расширеніе и укрѣпленіе Кильскаго канала, гдѣ долженъ былъ укрыться нѣмецкій флотъ, (раньше въ него не могли войти дрэдноты), еще не было закончено. А также не были еще готовы громадный укрѣпленный лагерь въ озерной полосѣ Восточной Пруссіи и новыя укрѣпленія крѣпостей въ Кенигсбергѣ и Данцигѣ. Работы въ Кильскомъ каналѣ были спѣшно завершены нынѣшнимъ лѣтомъ 20-го іюня,—и двѣ недѣли спустя война была рѣшена.

Впрочемъ, уже прошлой зимой много разныхъ признаковъ указывало на близость войны, и въ февралѣ, въ Бордигерѣ я говорилъ моему другу редактору „Temps Nouveaux“, какъ неправы были французы, протестовавшіе противъ закона о трехлѣтней службѣ. Другого средства, въ виду увеличенія Германіей ея готовыхъ къ бою войскъ на цѣлыя двѣсти тысячъ, не было. Если бы Франція объявила мобилизацію, хотя бы частную, *она* оказалась бы виновницей войны. „Война начнется,—говорилъ я,—какъ только жатва поспѣетъ въ Россіи и во Франціи: нѣмцы знаютъ, что иначе имъ нечѣмъ было бы кормить свои арміи, особенно свою быстро наступающую кавалерію. Помните, что война 1870 года началась 15-го іюля. Русскимъ друзьямъ я совѣтовалъ заранѣе выбраться изъ-за границы“.

Все это было такъ ясно, такъ очевидно, что только люди, мало интересующіеся западно-европейскими дѣлами и нежелающіе вообще думать о „страшныхъ“ вопросахъ, могли этого не видѣть. Что не мѣшаетъ теперь цѣлой кучѣ людей, начитавшихся нѣмецкой прессы и телеграммъ, разсылаемыхъ оплачиваемыми Германіей телеграфными агенствами, воображать, что *причина* войны—заступничество Россіи за Сербію, хотя Германія что-то еще не думаетъ объ Австріи, а пока что завоевываетъ и „присоединяетъ“ Бельгію *).

*) Англійскій парламентъ только что издалъ „Синюю книгу“ (ея оффиціальный нумеръ: Cd 7595) о тайной „оффиціальной германской организаціи съ цѣлью вліять на прессу другихъ странъ“. Организація была составлена 27-го февраля подъ предлогомъ „увеличенія престижа германской промышленности за границей“, и на нее было ассигновано 500,000 марокъ частными компаніями и 250,000 марокъ правительствомъ. Завѣты Бисмарка насчетъ подкупной прессы не забыты въ Германіи.

Впрочемъ кто же изъ государственныхъ дѣятелей Бельгіи не зналъ, что Бельгію давно рѣшено завоевать при первомъ удобномъ случаѣ, а Голландію—заставить примкнуть къ Германской имперіи, такъ какъ въ ея рукахъ находятся проливы, ведущіе въ Тихій океанъ изъ Индійскаго океана; Францію же давнымъ-давно рѣшено низвести на степень третьестепенной державы... Къ этимъ цѣлямъ направлена была вся жизнь Германской имперіи. Этими завоеваніями бредятъ въ Германіи милліоны, какъ буржуа, такъ и рабочихъ.

II.

Не Сербія — причина войны, не страхъ Германіи передъ Россіей, а то, что, за исключеніемъ ничтожнаго меньшинства, тотъ классъ, который заправляетъ политической жизнью Германіи, былъ опьяненъ торжествомъ надъ Франціей въ 1871 году и своей быстро развивавшейся силой на сушѣ и на моряхъ. Этотъ классъ считаетъ прямо-таки оскорбительнымъ для Германіи, что ея сосѣди мѣшаютъ ей завладѣть богатыми (готовыми, заселенными уже) колоніями на Средиземномъ морѣ (Марокко, Алжиръ, Египетъ), а также Малой Азіей и частью Китая, опережаютъ ее въ планахъ захвата будущей Адріатики Индійскаго океана, т.-е. Персидскаго залива, и вообще мѣшаютъ ей установить свою гегемонію въ Европѣ, Азіи и Африкѣ.

Быстрое развитіе германской обрабатывающей промышленности за послѣднія сорокъ лѣтъ, *безъ одновременнаго развитія достатка среди крестьянства, которое могло бы быть рынкомъ для сбыта мануфактурныхъ издѣлій* (какъ въ Соединенныхъ Штатахъ), сдѣлало то, что громадная

масса нѣмецкаго пролетаріата заражалась тѣми же завоевательными планами и теперь тоже мечтаетъ о быстромъ развитіи могучаго, завоевательнаго капитализма. Вслѣдствіе чего въ результатѣ получается настоящее поклоненіе передъ идеей объединеннаго военнаго государства, обожаніе арміи и поразительное единодушіе въ завоевательныхъ мечтаніяхъ.

Что въ этой характеристикѣ нѣтъ преувеличенія, доказали событія послѣднихъ дней.

„Оставайтесь нейтральными, — писалъ Вильгельмъ англійскому правительству. — Я оставлю нетронутой территорію Франціи (въ Европѣ, только отберу ея колоніи (Морокко, Алжиръ, Тунисъ, Тонкинъ)".

„Не оставайтесь нейтральными, присоединитесь ко мнѣ,—писалъ онъ въ Италію.—Вы получите за это Савойю, Ниццу, Тунисъ".

„Не вмѣшивайтесь, дайте мнѣ раздѣлаться съ Англіей, Бельгіей и Франціей",—писалъ онъ въ Россію и обѣщалъ не трогать Россіи, — „покудова".

„Охота вамъ придавать такое значеніе *клочку бумаги*,— т.-е. договору европейскихъ государствъ, которымъ обезпечивалась независимость и нейтральность Бельгіи",— писалъ германскій канцлеръ англійскому министру иностранныхъ дѣлъ, нагло заявляя, такимъ образомъ, что *для Германіи никакіе международные договоры не существуютъ*.

Намъ, вѣрно, скажутъ, что Наполеонъ I тоже считалъ себя въ правѣ попирать всѣ международные договоры. Правда. Но, по крайней мѣрѣ вплоть до войны 1812 года, арміи Французской республики, а затѣмъ даже и имперіи, разносили по Европѣ уничтоженіе крѣпостного права и

равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Въ этомъ была ихъ сила. Что-же несутъ теперь нѣмецкія арміи въ сожигаемые ими города и деревни? Ничего, кромѣ идеала военнаго государства! Никакой идеи права! Ничего, кромѣ торжества озвѣрѣвшаго солдата! Ничего, кромѣ топтанія въ грязь той самой культуры, которая развивалась въ Германіи до ея побѣдъ 1864—1870 года.

Свобода народностей? Идеалы мира? Прогрессъ? Ничего этого нѣтъ на знамени Германской имперіи! Оно обѣщаетъ *только* войну, оно — залогъ новыхъ войнъ. Покореніе вольныхъ націй; централизованное военное государство, подчиненіе всей жизни народа военному идеалу, воплощеніемъ котораго служитъ онъ, Вильгельмъ, самъ себя именующій „бичемъ Божіимъ", Аттилой!

Постарайтесь, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, что́ значило бы торжество Германіи въ теперешней войнѣ?

Покореніе Бельгіи, — всей или по крайней мѣрѣ большей ея части. Во всякомъ случаѣ водвореніе Германіи въ Антверпенѣ и, по всей вѣроятности, въ Калэ.

Насильственное пріобщеніе Голландіи къ Германской имперіи.

Угроза присоединенія Швейцаріи, которую болѣе не въ силахъ будутъ защищать Франція и Англія *).

Присоединеніе къ Германіи части Франціи (Шампани и сѣверныхъ береговъ), а, слѣдовательно, появленіе линіи нѣмецкихъ крѣпостей въ одномъ или двухъ дняхъ пути отъ Парижа и запрещеніе воздвигать противъ нихъ укрѣп-

*) Если бы Швейцарія быстрой мобилизаціей 600-тысячнаго войска не подкрѣпила своего отказа пропустить германскія войска во Францію чрезъ Базельскій кантонъ, ея независимости былъ бы положенъ конецъ.

ленія; громадная, изнурительная контрибуція, идущая, главнымъ образомъ, на дальнѣйшее усиленіе германской арміи и флота (уже Бисмаркъ жалѣлъ, что не взялъ контрибуціи въ 15 милліардовъ вмѣсто пяти). Въ результатѣ—низведеніе Франціи на роль третьестепеннаго государства, *не смѣющаго сдѣлать ни одного шага въ направленіи соціальнаго прогресса*, въ виду угрозы вмѣшательства Германіи. *Всѣ эти годы въ этомъ положеніи была Бельгія.* Въ такое-же положеніе попала бы Франція, и приблизительно въ такое же положеніе попала бы Англія.

Теперь, когда строятся громадные пароходы, способные принять каждый по нѣскольку тысячъ солдатъ, когда подводныя лодки, аэропланы и управляемые воздушные шары стали частью вооруженныхъ силъ, неуязвимости Англіи отъ вторженія нѣмцевъ уже не существуетъ. Уже теперь знающіе люди предвидятъ здѣсь полную возможность вторженія. Когда же прусская каска будетъ владычествовать на южномъ берегу Па-де-Калэ, вторженіе въ Англію станетъ просто вопросомъ удобной минуты. Весь строй жизни и дальнѣйшее развитіе страны должны будутъ складываться въ виду этой возможности, какъ они уже складывались во Франціи.

О послѣдствіяхъ торжества Германіи для насъ, въ Россіи, даже думать не хочется,—такъ они были бы ужасны. Что станется съ внутреннимъ развитіемъ Россіи, когда на Нѣманѣ, въ Ригѣ, а можетъ-быть, и въ Ревелѣ, воздвигнутся нѣмецкія крѣпости, какъ Мецъ,—не для защиты отвоеванной территоріи, а для нападенія? Крѣпости, откуда въ первый же день объявленія войны смогутъ выступить сотни тысячъ войска, со всей своей артиллеріей, готовые итти на Петроградъ?

Вообще, торжество Германіи въ этой войнѣ значило бы порабощеніе всей европейской культуры задачамъ военнаго преобладанія. Ея торжество въ 1870 году уже дало намъ сорокъ лѣтъ такого порабощенія и остановки общаго развитія. Теперь ея торжество надъ Франціей, Бельгіей, Англіей и Россіей дало бы полстолѣтія, если не болѣе, такой же остановки развитія, распространенной на всю Западную Европу и на весь славянскій міръ.

Я не говорю уже о томъ, въ какихъ возмутительно-дикихъ формахъ выражается въ теперешней войнѣ торжествующій германизмъ. Уже изъ того, что засвидѣтельствовано непреложными свидѣтельскими показаніями, видно, что нѣмецкія регулярныя войска превзошли все, что мы слыхали до сихъ поръ. И при этомъ, — замѣтьте, — послѣдній нѣмецкій солдатъ и цабернскій лейтенантъ, совершая звѣрства надъ бельгійцами, — стариками, женщинами, дѣтьми, — считаетъ ихъ именно бунтовщиками. Не народомъ, воюющимъ за свою свободу, а беззаконными бунтовщиками.

Что всего ужаснѣе, это — то, что насиліе, совершаемое германцами надъ Бельгіей, возбуждающее омерзѣніе во всемъ образованномъ мірѣ, находитъ оправданіе даже въ средѣ крайней партіи, — соціалъ-демократической. Надѣюсь, не у всѣхъ. Но вы, конечно, читали о кампаніи, предпринятой нѣмецкимъ депутатовъ Зудекумомъ въ шведской газетѣ „Socialdemokraten“ и лично въ Италіи, и видѣли отвѣты, данные ему въ этихъ странахъ.

Тѣмъ временемъ *внѣ Германіи*, пролетаріатъ всей Европы понимаетъ, какое клеймо теперешняя война налагаетъ на германскій народъ, и желаетъ, ждетъ, полнаго

пораженія Германіи и прекращенія внесенной ею въ нашу жизнь военщины.

Многое еще хотѣлъ бы сказать. Но на сегодня довольно. Всѣмъ, кто не закрываетъ глаза на совершающееся вокругъ насъ, достаточно ясно, почему всякій, кому дорого прогрессивное развитіе человѣчества и у кого мышленіе не отуманивается личными привязанностями, привычкой и софизмами казеннаго якобы патріотизма, не можетъ колебаться. Нельзя не желать полнаго пораженія зарвавшейся военной Германіи. Нельзя даже оставаться нейтральнымъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ нейтральность была бы потворствомъ желѣзному кулаку.

Это понимаетъ громадное большинство, и отовсюду слышатся такія рѣчи: *Союзники побѣдятъ*, и эта война будетъ послѣдней европейской войной. Права всѣхъ національностей на свободное развитіе будутъ признаны; федеративное начало найдетъ широкое приложеніе при передѣлкѣ карты Европы. Безобразіе войны и неспособность вооруженнаго мира предотвратить ее такъ бьютъ въ глаза, что наступитъ періодъ всеобщаго разоруженія. А единеніе внутри передовыхъ націй, къ которому уже ведетъ теперь необычайное напряженіе всѣхъ силъ, съ тѣхъ поръ, какъ надвинулась общая опасность, неизбѣжно оставитъ слѣды во всѣхъ народахъ. Оно ужъ кладетъ зачатки новой, болѣе объединенной жизни всѣхъ слоевъ, изъ которыхъ теперь слагаются націи.

Таковы мысли, нарождающіяся въ Западной Европѣ. Онѣ вѣрны и онѣ должны восторжествовать.

Брайтонъ. 23-го августа (5 сент.) 1914.

Письмо второе.

I.

Дорогой мой другъ!

Конечно, вамъ, должно быть, очень больно переживать противорѣчія, которыя осаждаютъ васъ. — „Меня одна мысль, главнымъ образомъ, мучаетъ“, пишете вы. „Неужели война, въ особенности въ такихъ размѣрахъ, какъ теперешняя, можетъ являться войной *освободительной*?.. Если мы раньше знали, что война съ Германіей будетъ освободительной войной, тогда къ чему намъ былъ весь антимилитаризмъ, всѣ фразы о всеобщей стачкѣ и т. п. Вообще рядъ вопросовъ, которые теперь не даютъ жить“.

Я понимаю, какъ должны мучить подобные вопросы. Но не оттого-ли они возникли, что во всей работѣ антимилитаристовъ, противниковъ войны, лежитъ коренная ошибка. Они думали, что своей пропагандой противъ войны они могутъ *помѣшать войнѣ*, несмотря на то, что теперь существуютъ еще во всей силѣ тѣ причины, которыми обусловливается *неизбѣжность* войнъ.

Они писали, что причина всѣхъ современныхъ войнъ— европейскій капитализмъ со всѣми его извѣстными послѣдствіями. А съ другой стороны, они вѣрили, что „достаточно объявить всеобщую стачку“ во всѣхъ странахъ, готовыхъ броситься въ войну (только!), и война станетъ невозможною.

Какимъ-то чудомъ вся громадная сила капитала и

подвластныхъ ему орудій исчезала, рушилась, парализовалась. И исчезала она не только во Франціи, но и въ той другой странѣ,—въ Германіи,—которая въ завоеваніи части Франціи, въ обезсиленіи ея и въ пріобрѣтеніи ея колоній видѣла „необходимый шагъ“, чтобы дать развиться во-всю своему, германскому капитализму.

Выходила, такимъ образомъ, явная несообразность. И я теперь спрашиваю себя. Вполнѣ-ли сознавало большинство антимилитаристовъ неразрывную связь между войною и разрастаніемъ европейскаго капитализма? Не придавали ли они все-таки слишкомъ большое значеніе въ войнахъ злой волѣ отдѣльныхъ личностей?

Вотъ почему за послѣднія десять-двѣнадцать лѣтъ, когда *неизбѣжность* нападенія Германской имперіи на Францію стала ярко обозначаться, я старался убѣдить французскихъ товарищей, что пропаганда противъ войны—одно, а положеніе, которое имъ придется занять въ моментъ объявленія войны Германіей,—совершенно другое.

Живя въ обществѣ, скажемъ, двадцати человѣкъ и видя, что одинъ изъ насъ, посильнѣе, норовитъ угнетать другого, я могу, я долженъ употреблять всѣ мои усилія, чтобы вразумить всѣхъ насъ, а въ особености сильнаго, стремящагося угнетать слабаго товарища. Но если слова не подѣйствовали, если сильный началъ бить слабаго, развѣ я имѣю право стоять въ сторонѣ, сложа руки, на томъ основаніи, что кулакъ—не доказательсво и что я раньше проповѣдывалъ вредъ драки и необходимость мира? Именно потому, что я противникъ угнетенія слабаго сильнымъ, я бросаюсь въ драку и помогаю слабому отбить сильнаго, хотя прекрасно знаю по опыту, что ударъ ку-

лака, предназначавшійся слабому, непремѣнно попадетъ въ мою голову.

Я понимаю, что можно не отвѣчать на личную обиду. Но стоять сложа руки, когда злой и сильный бьетъ слабаго,—непростительная подлость. *Именно ею держится всякое насиліе.*

Проповѣдь противъ войны, конечно, приближаетъ время, когда люди поймутъ, что истинною причиной войны всегда бываетъ желаніе одной страны воспользоваться трудомъ другой страны и накопленными ею богатствами. Она поможетъ также убѣдиться, что даже „успѣшная война“ приноситъ, въ концѣ-концовъ, больше вреда, чѣмъ пользы, самимъ побѣдителямъ.

Но при нынѣ существующихъ условіяхъ такая пропаганда не можетъ помѣшать войнѣ, покуда есть страны, которыхъ населеніе готово помогать желающимъ наживаться чужимъ трудомъ, *сплошь да рядомъ предполагая въ этомъ и свою выгоду.*

Угроза всеобщей стачки можетъ сдерживать до поры до времени завоевательные порывы. Но бросьте думать,—говорилъ я,—что всеобщая стачка можетъ состояться въ моментъ объявленія войны, если одна изъ сторонъ рѣшила открыть военныя дѣйствія. Каждый, въ той странѣ, которой грозитъ вторженіе, будетъ чувствовать въ такую минуту, что одинъ день промедленія въ мобилизаціи представитъ подарокъ завоевателю цѣлой области и увеличитъ число жертвъ войны на лишнюю сотню тысячъ человѣкъ.

На это мои французскіе товарищи возражали: „Для того-то мы и ведемъ анти-военную пропаганду, чтобы открыть глаза нѣмцамъ, чтобы *они* отказались помогать

своимъ капиталистамъ въ грабежѣ Франціи. Помни, что у нѣмцевъ есть уже три съ половиной милліона соціалистовъ,—наивно прибавляли мои друзья—и эта масса соціалистовъ вмѣстѣ съ нами воспротивится войнѣ".

Когда же я доказывалъ, что этого не будетъ, и быть не можетъ, мнѣ смѣло отвѣчали:—„Если даже и такъ, то кто-нибудь долженъ-же взять на себя починъ. Мы начинаемъ,—будь, что будетъ"!..

На это оставалось только сказать: „Пусть такъ. Но съ тѣмъ, что, когда Германія начнетъ съ дикой энергіей—съ согласія своихъ соціалистовъ,—собирать свои полчища, вы съ еще большей энергіей и *съ тѣмъ болѣе полнымъ сознаніемъ правоты своего дѣла, что вы старались помѣшать войнѣ*, будете помогать мобилизаціи и будете драться противъ завоевателей. Только бросьте вы говорить такой вздоръ, что рабочему-французу все равно, кто бы ни владѣлъ имъ: французскій капиталистъ и французскій профектъ, или нѣмецкій генералъ и нѣмецкій фабрикантъ. Вы во Франціи, не видали и, мало путешествуя, не знаете, что значитъ жить подъ владычествомъ другой націи".

Впрочемъ на этотъ счетъ, за послѣдній мѣсяцъ, нѣмцы сами постарались открыть глаза мечтателямъ *).

---

*) Одинъ изъ такихъ мечтателей, французскій депутатъ-соціалистъ Камперъ-Морель, побывавъ въ Санлисѣ (Senlis) и убѣдившись на мѣстѣ, съ какимъ злорадствомъ нѣмецкіе солдаты подвергали пыткамъ французовъ, раньше чѣмъ ихъ добить, съ грустью признается въ своихъ заблужденіяхъ. Онъ указываетъ, что изъ четырехъ милліоновъ избирателей-соціалистовъ въ Германіи, по крайней мѣрѣ одинъ милліоновъ долженъ находиться въ нѣмецкихъ войскахъ, наводнившихъ Бельгію и сѣверную Францію.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Большая часть французскихъ антимилитаристовъ именно то и сдѣлали, что слѣдовало предвидѣть. Черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія войны одинъ изъ близкихъ моихъ товарищей, одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ антимилитаристовъ, писалъ мнѣ изъ Парижа: „Ты былъ правъ: надо защищаться. Только сопротивленіе и нападеніе сломятъ нѣмецкую военщину". Другіе пишутъ: „Состою въ такомъ-то полку": санитаромъ—кто постарше, рядовымъ—кто помоложе; и дерутся антимилитаристы, навѣрное, съ такимъ же твердымъ намѣреніемъ выгнать изъ Франціи, разъ навсегда, засѣвшихъ въ окопы нѣмцевъ, какъ и всѣ остальные.

Такъ же поступили и бельгійцы. До послѣдней минуты они стояли за миръ. А когда надвинулась орда завоевателей, они стали геройски защищать дорогіе имъ родные поля и города.

Теперь вы, конечно, знаете, что̀ двинуло нѣмцевъ на завоеваніе Бельгіи и Франціи. Вы знаете, какъ безъ всякаго повода, или даже подобія повода, они вторглись въ Бельгію, чтобы легче имъ было раздавить ненавистную имъ Францію; вы знаете, *какъ* они завоевываютъ, знаете, какъ они мстятъ, когда имъ приходится отступать изъ городовъ и селъ, которые они уже считали своими. Вы знаете, почему и какъ они ведутъ войну. Такъ скажите: желаете вы успѣха бельгійцамъ и французамъ? Желаете вы изгнанія озвѣрѣлыхъ завоевателей изъ Бельгіи и Франціи?

Если да, то о чемъ же еще разговаривать?

II.

Я знаю, что далеко не всѣ раздѣляютъ такой взглядъ. Въ Италіи есть много рабочихъ, особенно анархистовъ, синдикалистовъ и отчасти соціалъ-демократовъ, которые безусловно противъ того, чтобы Италія приняла какое бы то ни было участіе въ войнѣ. Всѣ они выражаютъ сочувствіе Бельгіи и Франціи и ненависть къ завоевательному германизму; но вмѣстѣ съ тѣмъ они стоятъ за полное невмѣшательство, — не только правительства, но даже отдѣльныхъ отрядовъ добровольцевъ. Объясняется это, по всей вѣроятности, теперешнимъ состояніемъ Италіи послѣ триполійской войны. Рабочіе, очевидно, боятся, что если начнется агитація для посылки во Францію добровольческихъ отрядовъ (какъ это совѣтовалъ на недавнемъ совѣщаніи синдикалистовъ де-Амбрисъ), это дастъ поводъ правительству вмѣшаться въ войну. А въ данную минуту,—думаютъ они,—вмѣшательство было бы гибельно для Италіи. Дѣйствительно, поживши въ Италіи, вполнѣ понимаешь, какъ должны итальянцы, любящіе свою родину, опасаться войны. При теперешней дезорганизаціи арміи послѣ триполійской войны, при полномъ истощеніи военныхъ запасовъ,—начинать новую войну они считаютъ невозможнымъ.

Такимъ образомъ, положеніе, принятое итальянцами, вполнѣ понятно. Можно сказать только одно: что его послѣдствія могутъ быть очень невыгодны для Италіи. Своимъ отказомъ стать на сторону тройственнаго союза Италія нажила непримиримаго врага въ Германіи, которая, если она не потерпитъ полнаго пораженія, непремѣнно

воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы выполнить *давно подіотовляемое ею вторженіе въ сѣверную Италію.*

Что же касается до тѣхъ глубоко убѣжденныхъ антимилитаристовъ во Франціи и Швейцаріи, которые во имя своего отрицанія войны не желаютъ поощрять ни той, ни другой воюющей стороны и среди которыхъ я имѣю близкихъ друзей, то они впадаютъ, на мой взглядъ, въ серьезную ошибку. Ихъ сочувствіе—на сторонѣ французскаго и бельгійскаго народа. Самый фактъ завоеванія и обиранія одного народа другимъ имъ ненавистенъ. „Но война—зло", я говорятъ они; а потому они не хотятъ ея, ни за, ни противъ Германіи.

Но они упускаютъ изъ вида одно. *Теперешняя война творитъ новую исторію.* Она всѣмъ народамъ ставитъ новыя условія общественнаго строительства. И когда начнется эта перестройка, новая жизнь пройдетъ мимо тѣхъ, кто отказался быть людьми дѣйствія въ минуты, когда судьбы нашего вѣка рѣшались на поляхъ битвъ.

Да, война, дѣйствительно, поставила мучительные, вопросы. Но нельзя ли на нее взглянуть попроще?

Почему-то повсюду на нее возлагаются большія надежды. Отовсюду слышится мнѣніе, что эта война положитъ конецъ развитію могучаго военнаго государства въ центрѣ Европы, служащаго угрозой своимъ сосѣдямъ. Почему-то люди вѣрятъ, что она положитъ начало временамъ мирнаго развитія въ лучшемъ направленіи; ужасы войны выступили за эти два мѣсяца въ такой потрясающей наготѣ; наконецъ, вызванное ею объединеніе всѣхъ слоевъ общества въ одномъ общемъ дѣлѣ не пройдетъ

безслѣдно, а заложитъ зачатки болѣе объединенной жизни...

Конецъ гегемоніи Германіи, распаденіе Австрійской имперіи и заря новой жизни для славянскихъ народностей объединенная Польша, снова вносящая *свои* народныя начала въ сокровищницу знаній и творчества Европы, какъ она вносила ихъ раньше,—чего только не ждутъ отъ этой войны!

Конечно, можно только радоваться, что войнѣ придаютъ такія цѣли. Сколько бы изъ этихъ цѣлей ни осуществилось, во всякомъ случаѣ *начало ихъ осуществленію будетъ положено.*

Но нужно ли все это, чтобы опредѣлить наше отношеніе къ войнѣ? Не достаточно ли ясно уже опредѣлились ея ближайшія задачи?

Когда старый, раненый Гарибальди созвалъ въ 1870 году своихъ старыхъ и молодыхъ товарищей и пошелъ съ ними сражаться противъ нѣмцевъ за Французскую республику, онъ не задавался міровыми задачами. Онъ не переоцѣнивалъ значенія войны вообще. Онъ видѣлъ во Франціи „борьбу свободы съ самовластьемъ“ и счелъ своимъ долгомъ стать, какъ всегда стоялъ, на защиту первой противъ второго.

Понятно, онъ не вмѣшался бы въ войну 1866 года между Пруссіей и Австріей, потому что ни за той, ни за другой онъ не признавалъ права на подавляющее значеніе въ Германскомъ союзѣ. И не вмѣшался бы онъ въ войну двухъ государствъ за право завоеванія какой-нибудь чужой земли въ Африкѣ или Азіи. Но онъ вступился во франко-прусскую войну, потому что со времени паде-

нія Наполеона III война не имѣла для Германіи иной цѣли, кромѣ завоевательной; причемъ право и прогрессъ были на сторонѣ Франціи.

То же самое приходится сказать себѣ теперь. Событія послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ показали, насколько необходимо сокрушить злую силу, которая воюетъ во имя того, что германскимъ капиталистамъ „нужны“ чужія земли и колоніи; что для покоренія своей соперницы, Франціи, Германіи „нужно было“ провести свои милліонныя арміи черезъ нейтральную Бельгію; что ей „нужно“ сокрушить Англію, чтобы богатѣть. А потому Германія будто бы имѣетъ право и даже „священную миссію“ предавать огню и мечу поля, политыя потомъ и кровью бельгійскихъ и французскихъ крестьянъ, обращать въ развалины города и избивать мужчинъ, женщинъ и дѣтей, разъ кто-нибудь изъ гражданъ вздумаетъ защищать свой домъ и свою семью отъ вторженія.

Для васъ и многихъ другихъ всего этого однако еще недостаточно. Вы сомнѣваетесь, вы хотите знать навѣрно, будетъ ли эта война *войной освободительной*. Но на этотъ вопросъ заранѣе отвѣтить невозможно. Все будетъ зависѣть отъ исхода войны, со всѣми возможными, побочными ея осложненіями.

Одно только несомнѣнно. Если восторжествуетъ Германія, то война не только *не* будетъ освободительною: она принесетъ Европѣ новое и еще болѣе суровое порабощеніе.

Правители Германіи этого не скрываютъ. Они сами заявили, что начали войну съ цѣлями завоевательными: *надолго обезсилить Францію*, отобрать у нея колоніи, *раз-*

богатѣть на ея счетъ, обезсилить Англію, отобрать нѣкоторыя изъ ея колоній; *обезсилить Россію*, „обезпечить себя отъ ея нападеній“, т.-е. — „округлить границы“ и настроить укрѣпленныхъ лагерей въ родѣ Меца въ областяхъ, отобранныхъ у Россіи,—поближе къ Петербургу и Москвѣ.

Что именно къ этому стремятся и владыки Германіи, и ихъ политическіе и военные писатели, и ихъ офицеры, и даже часть солдатъ,—въ этомъ нѣтъ нынѣ сомнѣнія. Они сами этого не скрываютъ. Они гордятся этимъ. И кто-же не понимаетъ, какой источникъ новыхъ войнъ представилъ бы собою такой исходъ войны? Какимъ препятствіемъ онъ явился бы всякому прогрессивному внутреннему развитію въ Европѣ.

Но если это вѣрно, то помѣшать такому торжеству завоевателей, избавить Европу отъ висящей надъ нею угрозы,—не будетъ-ли это уже такимъ великимъ дѣломъ, что война, достигшая такой цѣли, вполнѣ заслужила бы названія войны *освободительной*?

Замѣтьте, что въ теперешней войнѣ намѣчается еще одинъ вопросъ громадной важности: вопросъ небольшихъ народностей, стремящихся завоевать себѣ право на самобытное развитіе. Но этотъ вопросъ такъ важенъ, что лучше будетъ вернуться къ нему въ другомъ письмѣ.

Во всякомъ случаѣ, уже теперь характеръ гигантской борьбы, ведущейся въ Европѣ, достаточно выяснился. Пора прекратить разговоры о „носителяхъ высокой германской культуры“. Они достаточно выказали себя въ Бельгіи. Мы увидѣли, до чего могутъ дойти люди, даже не глупые и по природѣ не злые, если они выросли съ

дѣтства въ обожаніи права военнаго захвата. И мы вынуждены опредѣленно сказать слѣдующее:

„Въ Европѣ безусловно невозможно будетъ дальнѣйшее развитіе идеаловъ и нравовъ свободы, равенства и братства, пока среди насъ будетъ семидесяти-милліонное государство, гдѣ до машиннаго совершенства разработаны всѣ пріемы военнаго разбоя; гдѣ вся нація, включая ея лучшихъ людей и ея передовыя партіи, оправдываетъ эти пріемы и считаетъ ихъ своимъ правомъ, видя въ нихъ залогъ своего дальнѣйшаго развитія.

Необходимо, чтобы весь германскій народъ увидѣлъ на дѣлѣ, въ какую бездну разоренія и нравственнаго паденія повергла его культура, цѣликомъ направленная къ завоевательнымъ цѣлямъ".

Брайтонъ, 21 сентября (4 октяб.) 1914 г.

Письмо третье *).

I.

Дорогой мой другъ, вы спрашиваете, что я думаю *теперь* о войнѣ? Какъ повліяли на мои сужденія событія послѣднихъ двухъ лѣтъ? Чего я жду въ ближайшемъ будущемъ?

Въ отвѣтъ на эти вопросы я могу только повторить съ еще большей увѣренностью то, что писалъ въ началѣ войны.

Военное торжество Германіи, — писалъ я, — повлекло бы за собой такія тяжелыя послѣдствія: оно настолько задержало бы ходъ европейской цивилизаціи, что всякій, кому дороги успѣхи этой цивилизаціи и заботы рабочаго интернаціонала, можетъ дѣлать только одно: всѣми силами содѣйствовать пораженію германскаго имперіализма и милитаризма.

Два года тому назадъ, для подтвержденія этой мысли, мнѣ приходилось гадательно указывать на то, что можетъ произойти, если Германская и Австрійская имперіи восторжествуютъ. Теперь факты на лицо. Мы знаемъ, чего добивается Германія, т. е. ея правящіе классы, при поддержкѣ громаднаго большинства германскаго народа. Мы

знаемъ, что ея завоевательные планы даже обширнѣе, чѣмъ это предполагалось въ 1914 году.

Ея желаніе завладѣть берегами Нѣмецкаго моря отъ Антверпена до Калэ—не „праздная выдумка ненавистниковъ Германіи", а дѣйствительное стремленіе, изъ-за котораго легли уже въ Бельгіи и сѣверной Франціи сотни тысячъ людей. И если бы въ Англіи рабочіе и буржуазія не поняли грозившей ихъ странѣ опасности и не произошелъ бы поразительный, никѣмъ непредвидѣнный порывъ, давшій англійской арміи болѣе четырехъ милліоновъ людей всѣхъ классовъ, добровольно записавшихся въ солдаты, то эта часть программы германскихъ завоевателей была бы уже осуществлена, послѣ кровопролитныхъ, ужасныхъ битвъ за Ипръ и Калэ *). Два года тому назадъ въ существованіи такого плана еще можно было сомнѣваться. Теперь онъ такъ ясно выступилъ изъ всего хода войны, что Бюловъ, долгіе годы занимавшій должность германскаго канцлера и главнаго совѣтника Вильгельма II, уже этого не скрываетъ. Онъ открыто призналъ (въ послѣднемъ изданіи своей книги „Германія подъ императоромъ Вильгельмомъ II"), что именно *желаніе расширить свое океанское побережье* привело Германію ко вторженію въ Бельгію.

Точно такъ же стремленіе Германіи осѣсть на берегахъ Адріатическаго моря и завладѣть Малой Азіей и тѣмъ, что я назвалъ Адріатикой Индійскаго океана (Персидскимъ заливомъ), не было плодомъ досужаго воображенія. Оно—

*) Число добровольцевъ поступившихъ въ армію, *раньше* чѣмъ была введена всеобщая воинская повинность, достигло 5.060.000 человѣкъ.

опять-таки фактъ, изъ-за котораго уже гибнутъ и еще погибнутъ цѣлыя арміи и разорены будутъ цѣлыя области.

И, наконецъ, никто не усомнится теперь, что стремленіе овладѣть Прибалтійскимъ краемъ и главными вывозными портами Россіи въ Балтійскомъ морѣ, включая Ригу, которая должна была послужить морскимъ базисомъ для похода на Петроградъ, составляло часть вожделѣній Германіи и входило въ планъ ея войны „на два фронта".

Именно—*часть*; только часть того, о чемъ мечтали въ Германіи и что подготовлялось ея генеральнымъ штабомъ. Въ началѣ войны я не хотѣлъ упоминать о возможности завоеванія нѣмцами Польши и ихъ вѣроятномъ походѣ на Волынь и Бессарабію. А между тѣмъ *уже съ 1886 года* русскому Генеральному Штабу и тѣмъ, увы, немногимъ, кто предвидѣлъ надвигавшееся нашествіе на Россію, было извѣстно,—что западная часть Царства Польскаго ничѣмъ не защищена; что въ случаѣ нападенія Германія въ союзѣ Австріей войска обѣихъ имперій вступятъ въ Польшу съ сѣвера и съ юга, *позади* привислинскихъ крѣпостей и что въ случаѣ удачи этого вторженія часть австро-германскихъ войскъ направится на югъ, въ Волынь и Бессарабію.

Что этотъ планъ не былъ оставленъ съ тѣхъ поръ, показали событія послѣднихъ двухъ лѣтъ. И если бы въ началѣ войны въ австро-германскій союзъ была вовлечена Румынія (такъ оно и было въ 80-хъ годахъ), то походъ на Бессарабію, можетъ-быть, состоялся бы уже въ 1915 году. Просторъ южно-русскихъ степей не перестаетъ манить германскихъ завоевателей.

Такимъ образомъ, *не защита Германии* отъ нападенія

со стороны Россіи или Франціи, а *желаніе завоеваній*, стремленіе расширить область своей экономической эксплоатаціи и увеличить свое военное могущество и политическое вліяніе руководили Германіей въ ея нападеніи на Бельгію, Францію и Россію и въ ея союзѣ съ Австріей для порабощенія Сербіи и дальнѣйшаго движенія на Востокъ. *Завоевательный характеръ* войны со стороны Германіи не подлежитъ сомнѣнію. Онъ признанъ и объявленъ *законнымъ* самими завоевателями.

II.

Что касается до *послѣдствій*, какія могла бы имѣть побѣда Германіи, то если на этотъ счетъ еще не сложилось вполнѣ опредѣленнаго мнѣнія, то объясняется это тѣмъ, что вообще *вліяніе* извѣстныхъ событій труднѣе предвидѣть, чѣмъ самыя событія. Чтобы вѣрно угадать вліяніе того или другого исхода войны, нужно, кромѣ наблюдательности, знакомство съ исторіей и внутренней жизнью Европы за послѣднія десятилѣтія. А именно этого знакомства вообще нехватаетъ въ обществѣ, и особенно въ Россіи.

Распространеніе соціалистическихъ ученій, возникновеніе сильныхъ рабочихъ организацій и ихъ борьба съ хозяевами на экономической почвѣ неизбѣжно отвлекли вниманіе отъ политической борьбы, ведущейся въ Европѣ съ конца восемнадцатаго вѣка. Кто у насъ, напримѣръ, послѣ Герцена и Чернышевскаго, старался распространять въ широкихъ кругахъ пониманіе политической жизни Европы? М. М. Ковалевскій и маленькій кружокъ его товарищей? Кто еще?

Разъ поставленъ былъ соціальный вопросъ и началась борьба за его разрѣшеніе, историческая роль отдѣльныхъ націй въ общемъ развитіи цивилизаціи стала меньше обращать на себя вниманія. Борьба труда съ капиталомъ отвлекала вниманіе отъ усилій, дѣлавшихся тѣмъ или другимъ государствомъ для сохраненія у себя и у сосѣдей пережитковъ крѣпостного, феодальнаго строя въ его политическихъ и экономическихъ формахъ. Усилія Германіи, напримѣръ, продолжать политику Священнаго Союза, раздавить республиканскую Францію, — „этотъ очагъ соціалистовъ и анархистовъ", какъ выражался Бисмаркъ, — и охранять въ Европѣ сословные государственные идеалы оставляли безъ вниманія. А между тѣмъ Бисмаркъ готовъ былъ отнять Римъ у Италіи, возстановить свѣтскую власть папы, а въ случаѣ надобности,—говорилъ онъ,—„если бы Италія вступила въ союзъ съ Франціей, который неизбѣжно привелъ бы ее къ республикѣ",—возстановить даже Неаполитанское королевство *), чтобы ослабить Францію и тѣмъ помѣшать распространенію республиканскаго духа въ Европѣ.

На все это и на значеніе такой политики для Европы перестали обращать вниманіе, въ надеждѣ, что столкновеніе труда съ капиталомъ скоро упразднитъ всѣ подобные

---

*) Въ „Голосѣ Минувшаго" (апрѣль, 1916) даны были, на основаніи книги Crispolti и Aureli, очень поучительныя извлеченія изъ отчета папскаго посланника Галимберти объ его переговорахъ съ Бисмаркомъ въ 1887 и 1888 гг. насчетъ возстановленія свѣтской власти папы. Не менѣе поучительны воспоминанія бар. Розенбаха о настроеніи Вильгельма II въ 1890 г. противъ Французской республики, напечатанныя въ „Русской Старинѣ" (май, 1916).

политическіе вопросы. И этимъ, конечно, пользовались владыки Германіи.

Тѣмъ временемъ въ прогрессивныхъ кругахъ росла надежда, и понемногу сложилась вѣра, что великія европейскія войны скоро станутъ невозможными. Эта вѣра порождала всевозможныхъ „мирниковъ“, пацифистовъ. Одни, какъ баронесса Сутнеръ, доказывали, что человѣчество въ Европѣ вышло уже изъ дикаго періода войнъ и что всѣ правители европейскихъ государствъ жаждутъ мира. Другіе утверждали, что съ бездымнымъ порохомъ война невозможна (это было какъ разъ передъ бурской войной). Третьи, какъ Норманъ Энджелъ, цифрами доказывали, что войну дѣлаетъ невозможной тѣсная денежная зависимость между народами. И, наконецъ, рабочіе, особенно въ латинскихъ странахъ, начинали вѣрить, что установившіяся международныя отношенія между трудовыми организаціями всѣхъ странъ предотвратятъ всякую войну. „Достаточно будетъ грозно заявить наше нежеланіе воевать, чтобы разстроить военныя затѣи капиталистовъ и правительствъ“,—говорилось въ нашихъ кругахъ.

Понятно, что люди, жившіе съ такими надеждами, неохотно разставались съ ними. Потребовались всѣ ужасы настоящей войны, чтобы подорвать эту вѣру. Но и теперь еще многіе воображаютъ, что если бы союзники сейчасъ положили оружіе, въ Европѣ водворились бы миръ и согласіе. Германцы и австрійцы миролюбиво ушли бы изъ занятыхъ ими странъ и областей, и проученные горькимъ опытомъ народы и правители Европы отказались бы отъ завоевательныхъ вожделѣній!

Но съ горькой дѣйствительностью эти мечты такъ же

мало имѣютъ общаго, какъ и мечты пацифистовъ, дважды собиравшихъ свои конгрессы мира наканунѣ войны. Въ Германіи и Австріи число тѣхъ, кто готовъ отказаться отъ областей, занятыхъ австро-германскими войсками, все еще ничтожно по сравненію съ числомъ „патріотовъ“, требующихъ, чтобы „завоеванное цѣною нѣмецкой крови“, — какъ они выражаются, было удержано сполна. Правда, что со времени наступленій 1916 года германскіе патріоты кое-что посбавили въ своихъ требованіяхъ. О „взысканіи контрибуціи“ съ Бельгіи и Франціи нынче нѣтъ уже рѣчи. Но отъ удержанія значительной части захваченныхъ областей и отъ заключенія трактатовъ, которые „навсегда помѣшаютъ Бельгіи поступать впредь, какъ она поступила съ Германіей“ (защищаясь отъ завоевателей), отъ этого отказывается только небольшая группа „крайнихъ“ изъ числа германскихъ соціалистовъ. Правящія же сословія, крупные промышленники, банкиры, нѣмецкіе ученые и даже значительная часть организованныхъ рабочихъ считаютъ миръ безъ завоеваній невозможнымъ, „позорнымъ“.

III.

Между тѣмъ военное торжество Германіи и присоединеніе къ Германской имперіи занятыхъ ею областей, хотя бы только на востокѣ, неизбѣжно привело бы къ тому же самому, къ чему привело присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи въ 1871 году. *Оно стало бы залогомъ новыхъ войнъ лѣтъ на 50, или болѣе.*

Въ моемъ первомъ письмѣ я уже писалъ о томъ, какъ Франція сорокъ лѣтъ жила подъ постояннымъ страхомъ

разгрома Германіей. Прибавлю только, что лучшіе люди Франціи,—люди, превосходно знавшіе общее положеніе дѣлъ въ Европѣ, считали разгромъ Франціи и ея расчлененіе на части (le démembrement de la France) неизбѣжнымъ. Вотъ откуда взялась эта тихая, скромная, торжественная рѣшимость и это глубокое, вдумчивое, любовное къ родинѣ настроеніе французскаго народа со времени войны, о которыхъ говорили мнѣ англичане и американцы, жившіе или побывавшіе за время войны во Франціи, и которое такъ вѣрно описалъ въ „Рѣчи“ А. И. Шингаревъ.

Я также упоминалъ въ моемъ первомъ письмѣ о вмѣшательствѣ Александра II, помѣшавшемъ Германіи напасть на Францію въ 1875 году, съ цѣлью дальнѣйшихъ завоеваній. Но то же самое повторилось въ 1891 году, причемъ разгрому Франціи тройственнымъ союзомъ помѣшало вмѣшательство англійской королевы и Александра III *).

*) Бловицъ, извѣстный корреспондентъ «Times'a», хорошо знавшій дѣло изъ первыхъ рукъ, разсказалъ впослѣдствіи, какъ Вильгельмъ II, пріѣхавъ въ Англію лѣтомъ 1891 года, заявилъ своей бабушкѣ, королевѣ Викторіи, что Германія не можетъ болѣе выносить вооруженій, вызываемыхъ военнымъ возрожденіемъ Франціи (она тоже ввела у себя всеобщую воинскую повинность), и что онъ объявитъ войну не позже весны 1892 года. Тогда англійская королева, видя, что словами не переубѣдить Вильгельма, и желая сохранить миръ въ Европѣ, поручила премьеру Сользбюри написать отъ ея имени Александру III, уговаривая его заключить союзъ съ Франціею для предотвращенія войны, иначе неизбѣжной. Приглашеніе французскаго флота (плававшаго тогда въ шведскихъ водахъ) въ Кронштадтъ, а затѣмъ въ Портсмутъ, было результатомъ этого письма и началомъ франко-русскаго соглашенія, въ отвѣтъ на тройственный союзъ (заключенный между Германіей, Австріей и Италіей уже въ 1883 году). Политическіе люди Англіи тогда же знали объ этомъ выступленіи королевы Викторіи. Недавно его подтвердилъ въ своей книгѣ г. Леггъ (Legge).

Впрочемъ и послѣ того, какъ установилось согласіе между Россіей, Франціей и Англіей, та же угроза продолжала висѣть надъ французскимъ народомъ.

То же самое, что грозило Франціи въ продолженіи сорока лѣтъ, грозило бы и Россіи, если бы Германія могла удержать Либаву, и укрѣпиться въ Курляндіи, въ Польшѣ, въ Литвѣ и на Волыни. Постоянная угроза вторженія и нападенія, на этотъ разъ на обѣ столицы и на Кіевъ, висѣла бы надъ Россіей. Мало того, вся наша внутренняя политическая жизнь должна была бы складываться въ формы, желательныя германскому имперіализму

Ради такого исхода войны и работалъ въ Швейцаріи зимой 1915—16 году Бюловъ со своими секретарями. Въ Берлинѣ, да и въ Германіи вообще, думали тогда, что союзники, обезкураженные неудачей своего наступленія, начатаго въ сентябрѣ 1915 года, поспѣшатъ заключить миръ „на основаніи военной карты Европы“, и закрѣпятъ за Германіей и Австріей ихъ захваты, или по крайней мѣрѣ бо́льшую ихъ часть. Только лѣтомъ 1916 года, вслѣдъ за успѣхами наступленія союзниковъ, начало выступать у ихъ противниковъ мнѣніе небольшого меньшинства въ пользу „мира безъ завоеваній“, но также, надо прибавить, и „безъ уступокъ германской территоріи“, т. е. съ удержаніемъ Эльзаса и Лотарингіи. Мецъ, стало-быть, долженъ по-прежнему оставаться угрозой Парижу. Что же касается до захватовъ въ Россіи и на Балканахъ, то о нихъ помалкиваютъ. Тѣ же, кто упоминаетъ о нихъ, прямо заявляютъ, что „о возстановленіи границъ, существовавшихъ до войны“, рѣчи быть не можетъ.

Вотъ почему во Франціи и въ Англіи громадное боль-

шинство, какъ бы оно ни жаждало мира, понимаетъ, что сейчасъ миръ еще невозможенъ. Тѣмъ, кто страшаетъ общественное мнѣніе возможностью еще бо́льшихъ потерь (Калэ и т. д.), не вѣрятъ. А тѣмъ, кто совѣтуетъ заключить миръ на условіяхъ, предложенныхъ „великодушными побѣдителями", отвѣчаютъ совершенно вѣрно, что такой миръ былъ бы только разорительнымъ перемиріемъ. Черезъ три, четыре года его непремѣнно нарушила бы,—вынуждена была бы нарушить,—та или другая сторона.

Дѣйствительно, миръ станетъ возможнымъ только тогда, когда въ Германіи и Австріи сложится въ широкихъ кругахъ убѣжденіе, что попытка создать владычество военнаго и торгово-промышленнаго австро-германскаго государства отъ Нѣмецкаго моря до Адріатическаго и до Индійскаго океана на этотъ разъ не удалась.

До тѣхъ поръ разговоры о мирѣ останутся простымъ повтореніемъ очень стараго дипломатическаго пріема. *Всегда, во время всѣхъ многолѣтнихъ войнъ*, съ наступленіемъ зимы дипломаты пускали слухи о близкомъ мирѣ, объ уступчивости побѣждавшей до тѣхъ поръ стороны, объ умѣренности ея требованій. Цѣлью такихъ слуховъ всегда было — посѣять раздоръ въ средѣ противниковъ и ослабить ихъ военныя приготовленія къ кампаніи будущаго лѣта. Нѣмцы прекрасно знали, какъ Англія, Франція и Россія обновляли свои арміи, какую новую артиллерію онѣ создавали, какія горы снарядовъ онѣ заготовляли для наступленія. Странно было бы, если бы умные нѣмецкіе дипломаты не воспользовались пріемомъ, который всегда помогалъ ослабить врага.

Но такъ какъ съ самаго начала было извѣстно, что

нехватало главнаго для мирныхъ переговоровъ, — что готовность очистить при заключеніи мира всѣ занятыя территоріи не была заявлена ни прямо, ни черезъ посредниковъ,—то ясно было, что изъ такихъ разговоровъ никакого мира выйти не можетъ.

„Что же дальше?--спросите вы. — Чѣмъ разрѣшится эта ужасная война?“.

Вопросъ большой, и отвѣтъ на него приходится отложить до слѣдующаго письма. Скажу одно. Австро-германскіе завоеватели начинаютъ убѣждаться, что *по нынѣшнимъ временамъ завоеванія не оплачиваются*. Пользуясь недостаточной подготовленностью Франціи и Россіи и совершенной сухопутной неподготовленностью Англіи, бросивъ сразу на противниковъ милліонныя арміи, имъ удалось захватить чрезвычайно цѣнныя области. Но *завоевать* эти области, закрѣпить ихъ за собой разгромомъ непріятельскихъ армій и столицъ,—*не удалось*. Внезапное пораженіе союзниковъ по одиночкѣ не состоялось.

Не состоялось потому, что вмѣсто *армій* изъ профессіональныхъ военныхъ ихъ встрѣтили воружившіеся *народы*. И народы создали такія средства самозащиты, которыхъ милитаризмъ и имперіализмъ, къ счастію, не предвидѣли, и по самой своей сущности не могли предвидѣть.

Брайтонъ,
15 (28) сентября 1916

Письмо четвертое.

I.

Дорогой мой другъ,—вы спрашиваете, что собственно слѣдуетъ понимать подъ германскимъ „имперіализмомъ“ и „милитаризмомъ“, которые, — писалъ я вамъ, — Европа должна обуздать и въ концѣ-концовъ вовсе искоренить. Постараюсь отвѣтить на вашъ вопросъ.

„Имперіализмъ“, по моему мнѣнію, это—новое, громкое слово для очень стараго порока, — жажды обогащенія одного племени или народа на счетъ своихъ сосѣдей, при помощи завоеванія. Въ разныя времена этотъ порокъ развивался у разныхъ народовъ, и съ незапамятныхъ временъ онъ причинялъ человѣчеству много зла. Исторія полна вызванныхъ имъ кровавыхъ битвъ.

Вотъ, напримѣръ, въ Хэстингсѣ, на южномъ берегу Англіи, поднимается надъ моремъ утесъ, гдѣ съ самыхъ раннихъ вѣковъ завоеватели оставили свои слѣды. Въ каменномъ вѣкѣ въ расщелинахъ утеса жили люди, знавшіе только самыя простыя кремневыя орудія. Ловко отбивая отъ кремней острые осколки, они пользовались ими какъ ножами, а болѣе мелкіе, крючковатые осколки они навязывали на бечевку, свитую изъ какого-то растенія, и ими ловили рыбу. Такъ дѣлаютъ до сихъ поръ нѣкоторые дикари Тихаго океана.

Противъ выхода изъ разсѣлины накопился за нѣсколько сотъ лѣтъ цѣлый холмикъ всякаго отброса: рыбныхъ костей, сломанныхъ кремневыхъ орудій,—такъ называемые „кухонные остатки“,—и ихъ тщательно раскопалъ по порученію одного ученаго Общества г. Абботтъ. Изъ этихъ раскопокъ узнали, что первобытные обитатели Хэстингскаго утеса кормились рыбой и ракушками, а на сушѣ охотились только за мелкими звѣрками. Большихъ каменныхъ орудій, пригодныхъ для охоты за большими звѣрями, у нихъ не было; въ ихъ „кухонныхъ остаткахъ“ нашли только кости мелкихъ грызуновъ.

—„И вотъ въ этомъ мѣстѣ,—говорилъ мнѣ г. Абботтъ,—среди кучи недодѣланныхъ кремней, я нашелъ полуистлѣвшіе остатки костяка, черепъ котораго былъ расколотъ большимъ каменнымъ топоромъ. Очевидно, пришли люди другого племени, болѣе искусные въ изготовленіи боевыхъ орудій; одинъ изъ нихъ засталъ туземца врасплохъ и убилъ его. Другихъ мужчинъ тоже вѣроятно, перебили, а женщинъ и дѣтей увели въ рабство“.

На томъ же утесѣ, повыше, мы осмотрѣли остатки окоповъ римскаго укрѣпленнаго лагеря. Высадились римляне уже съ желѣзными мечами и пиками, съ военной „тактикой“, и покорили мѣстныхъ жителей, знавшихъ только каменные топоры. Военно-плѣнныхъ съ ихъ женами и дѣтьми римляне продавали въ рабство, въ Италію, а остальныхъ, покорившихся, заставляли на себя работать: строить богатыя виллы, обрабатывать поля, добывать уголь и всякія руды, заготовлять шерсть и ленъ, прокладывать военныя дороги и рыть укрѣпленные лагери противъ самихъ же туземцевъ.

Тутъ же, въ сторонѣ отъ римскаго лагеря, слѣдующія поколѣнія завоевателей оставили свои слѣды въ видѣ красивыхъ развалинъ феодальнаго замка. Такими замками норманскіе имперіалисты,—послѣ того какъ ушли римляне,—держали мѣстное населеніе въ крѣпостной зависимости.

А въ настоящее время въ тихую погоду съ противоположнаго берега доносится грохотъ гигантскихъ пушекъ. При ихъ помощи новая волна завоевателей,—германцы,—пытаются добраться до того же утеса.

Конечно, вся жизнь человѣчества сильно осложнилась со временъ каменнаго вѣка. Осложнились и побужденія къ завоеваніямъ. Но основная ихъ цѣль,—нажива трудомъ покоренныхъ народовъ, и основные пріемы, т. е. избіеніе вооруженныхъ людей и устрашеніе остальнаго населенія, остались тѣ же. И закрѣпляютъ за собой завоеванія тѣми же способами, какими закрѣпляли ихъ норманы и римляне: побѣдители заставляютъ туземцевъ строить крѣпости и прокладывать военныя дороги, держатъ ихъ въ бѣдности, разоряя исконные ихъ промыслы и вводя новые, на которыхъ наживаются побѣдители; и, наконецъ, населеніемъ правятъ суровые префекты и судьи, безжалостно истребляя недовольныхъ и бунтовщиковъ.

Измѣнилось одно. Сложный складъ современной жизни далъ возможность запутывать понятія людей и оправдывать завоеванія такими отвлеченными словами, какъ „капиталистическій имперіализмъ“, „законы развитія великихъ націй“ и т. п. Иные даже не безъ успѣха увѣряютъ рабочихъ, что „имперіализмъ представляетъ закономѣрное развитіе капитализма“,—чуть не выраженіе „міровой во-

ли", ведущей человѣчество этимъ путемъ къ соціализму. Больше словъ, лживыя слова; но фактъ военнаго грабежа, составляющій сущность завоеванія, остался.

II.

За послѣднія десятилѣтія главнымъ очагомъ имперіализма стала Германская имперія. Уже въ сороковыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка экономистъ Листъ звалъ германскій народъ на путь широкаго развитія мануфактуръ, по примѣру Англіи. Всѣхъ поражало тогда быстрое обогащеніе англійской буржуазіи, по мѣрѣ того, какъ въ Англіи вырастала, при помощи паровой машины, громадная обрабатывающая промышленность, изобрѣтались все новыя и новыя машины и возникали новыя производства, строились желѣзныя дороги, создавался паровой флотъ, и съ нимъ — развивалась оживленная всемірная торговля. Листъ звалъ Германію на тотъ же путь.

Но въ сороковыхъ годахъ Германія еще не могла отозваться на его кличъ. Въ ней еще сильны были пережитки крѣпостного права. Только послѣ потрясеній 1848 года и вызванныхъ ими реформъ, и въ особенности съ 70-хъ годовъ, дѣйствительно началось промышленное развитіе Германіи. И съ тѣхъ поръ примѣръ богатѣвшей англійской буржуазіи не давалъ покоя германскимъ общественнымъ дѣятелямъ. Богатѣть „какъ Англія" стало ихъ лозунгомъ.

Новымъ условіямъ, сложившимся въ Европѣ, они мало придавали значенія. Они не обращали вниманія на то, что нѣтъ на свѣтѣ другого такого рынка для европейскихъ товаровъ, нѣтъ другой такой „колоніи", какую имѣла

Англія въ Индіи, съ ея 250-и милліоннымъ населеніемъ. Они забывали, что Англія *первая* выступила на путь широкаго развитія промышленности и воспользовалась выгодами, выпадающими на долю піонера и изобрѣтателя. Они не замѣчали, наконецъ, что въ 1886—1890 гг. Англія уже не находила прежнихъ выгодныхъ рынковъ и переживала вслѣдствіе этого тяжелый кризисъ. Несмотря на эти новыя условія, общественные дѣятели Германіи направляли свои силы, чтобы развить у себя такую же промышленность, *не для своего народа, а для вывоза за границу*,—„какъ въ Англіи".

Ради этого Германія посылала своихъ техниковъ рабочими въ Англію, во Францію, въ Бельгію, чтобы изучать на мѣстѣ новѣйшіе способы производства и копировать лучшія машины. Она широко воспользовалась множествомъ молодыхъ людей, ежегодно выходившихъ изъ ея университетовъ и техническихъ школъ съ естественно-научною или техническою подготовкою, и быстро сумѣла развить у себя новѣйшую технику, совершенствуя при этомъ и удешевляя продукты въ нѣкоторыхъ крупныхъ отрасляхъ, какъ, напримѣръ, въ химическомъ производствѣ. Особенно же успѣвала она въ выдѣлкѣ по доступной цѣнѣ множества вещей, нужныхъ мелкой буржуазіи въ домашнемъ и торговомъ обиходѣ.

Выступивъ на этотъ путь, германская промышленность росла не по днямъ, а по часамъ. Вывозъ товаровъ въ сосѣднія страны увеличивался съ каждымъ годомъ, а съ нимъ вмѣстѣ росли и обороты банковъ и страховыхъ Обществъ. Нѣмецкая буржуазія и финансисты богатѣли воочію.

Не нужно однако забывать, что не одна Германія преуспѣвала за эти годы. Англія и Франція не замерли на однажды достигнутой высотѣ. Бельгія, Швейцарія, Соединенные Штаты быстро развивались въ томъ же направленіи,—Соединенные Штаты даже гораздо быстрѣе Германіи; причемъ безусловно во всемъ американцы изобрѣтали *свои* усовершенствованные пріемы, даже въ такихъ установившихся производствахъ, какъ разработка угольныхъ копей, добыча рудъ, выдѣлка желѣза, ткацкое дѣло и т. п. Даже въ плотничномъ ремеслѣ они замѣнили вѣками утвержденные инструменты своими, новыми.

Въ одномъ Германія опережала своихъ сосѣдей: въ организаціи сбыта своихъ товаровъ,—*въ завоеваніи иностранныхъ рынковъ*. Для этого ея торговцы не только умно пользовались обычными путями, но они ввели свою, особую, тщательно разработанную систему кредита и банковъ, дѣйствовавшихъ въ сосѣднихъ странахъ при поддержкѣ германскаго правительства.

Борьба съ иностранными производителями и „завоеваніе рынковъ“ при помощи пособій отъ правительства издавна практиковались, особенно по отношенію къ странамъ внѣ-европейскимъ. Теперь Германія стала примѣнять эту систему къ Италіи, Швейцаріи, Голландіи и Россіи. И эта система роковымъ образомъ вела руководителей германской мысли къ развитію имперіализма. Разъ усилія направлялись къ тому, чтобы стать хозяевами рынка въ какой-нибудь странѣ, естественно напрашивалось такое соображеніе: „какъ упростилось бы дѣло, если бы эта страна стала частью германской имперіи!“

Такимъ образомъ мало-по-малу, въ разсужденіяхъ нѣ-

мѣцкихъ экономистовъ интересы *коммерческой политики* сливались съ такъ-называемой *міровой политикой*, которую проповѣдывали ген. Бернгарди, проф. Трейчке, министръ Бюловъ и вообще послѣдователи и продолжатели Бисмарка. Постепенно превращаясь въ „міровую политику", коммерческая политика Германіи скоро превратилась въ *міровую опасность*.

Воззрѣнія имперіалистовъ въ родѣ Бернгарди стали входить въ обиходный языкъ промышленныхъ и финансовыхъ дѣльцовъ, въ ученые трактаты и даже въ статьи сравнительно передовыхъ писателей. Коммерческіе трактаты переходили въ проповѣдь *неодходимости большой войны* съ Англіей и Франціей.

Въ 1911 году, напримѣръ, прямо писали въ органѣ большихъ желѣзныхъ и стальныхъ компаній Рейнскаго бассейна, что желѣзныя руды Люксембурга и бассейна Бирэ (Вігеу) во французской Лотарингіи *должны* быть подъ однимъ управленіемъ съ нѣмецкими рудниками Вестфаліи *). А когда стало ясно, что русское правительство откажется въ 1917 году отъ возобновленія невыгоднаго трактата, заключеннаго во время японской войны, то объ этомъ вѣроятномъ отказѣ писали въ Германіи, какъ о достаточной причинѣ для войны съ Россіей. „Кѣмъ же будутъ обрабатываться

*) Въ 1871 году Германія согласилась не отнимать у Франціи эту часть Лотарингіи, потому что, по докладу ея эксперта, руды бассейна Бирэ, вслѣдствіе содержанія фосфора, были признаны нестоящими разработки. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ 1878 году открытъ былъ въ Англіи новый способъ ихъ разработки, бассейнъ Бирэ считается едва ли не лучшимъ въ Европѣ. Владѣя имъ, Германія держала бы въ своихъ рукахъ почти все желѣзное производство Франціи. Изъ чего выводили: „Завоеваніе этого бассейна необходимо."

имѣнія въ Пруссіи, если русское правительство отмѣнитъ льготы, предоставленныя этимъ трактомъ для ухода польскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ на заработки въ Германію?".

И такъ—во всемъ. На западѣ и на востокѣ, на югѣ и на сѣверѣ „торговая политика" переходила въ жажду завоеваній и грозила Европѣ войной.

Мануфактурная промышленность Германіи и количество вывозимыхъ ею товаровъ продолжали рости. Но Германія скоро почувствовала то самое, что Англія пережила въ восьмидесятыхъ годахъ. Соперничество Австріи, Бельгіи, Швейцаріи, Соединенныхъ Штатовъ и отчасти Россіи сбивало цѣны. Барыши стали сокращаться. И тогда, вмѣсто того, чтобы направить помыслы на усиленіе благосостоянія своего крестьянства и городскихъ рабочихъ и *на созданіе потребителей у себя дома*, властители думъ въ имперіи предпочли мечтать о расширеніи своихъ рынковъ путемъ завоеваній. „Изъ всѣхъ промысловъ Германіи",— писалъ извѣстный журналистъ Максимиліянъ Хардэнъ,— „самымъ выгоднымъ все-таки оказывается военный". И высшія власти вторили ему. Чтобы создать міровую торговлю и соперничать съ Англіей рѣшено было, что надо будетъ присоединить Голландію къ германской имперіи и завоевать Антверпенъ, западное побережье Бельгіи и Калэ. Нужно было также забрать Тріестъ у Австріи, (вознаградивъ ее на счетъ Россіи) и Египетъ у Англіи; а что касается африканскихъ колоній Франціи, то тутъ вспомнили слова Бисмарка: „Французскія колоніи вы всегда можете получить въ Парижѣ!"

III.

Рядомъ съ этимъ въ Германіи слагалось,—тоже на экономической подкладкѣ,—въ высшей степени опасное ученіе *о концентраціи государствъ*. За послѣдніе тридцать-сорокъ лѣтъ, въ промышленности, какъ извѣстно, сильно развивались тресты и картели. То въ той, то въ другой отрасли происходило объединеніе нѣсколькихъ фабрикъ и компаній въ одно большое предпріятіе, гдѣ заказы, а также и барыши распредѣлялись между заводами, вошедшими въ трестъ. При этомъ объединеніе легко переходило въ *поглощеніе* мелкихъ производствъ однимъ крупнымъ. Разбирать пользу и вредъ этого превращенія здѣсь было бы не у мѣста. Важно только отмѣтить, что въ Германіи стало складываться ученіе, представлявшее поглощеніе мелкихъ предпріятій крупными,—не какъ актъ насилія, а опять-таки, какъ „*законъ* міроваго развитія", и *такой законъ*,—говорили ученые,—*приложимъ и къ государствамъ*.

Германская имперія создалась изъ того, что Пруссія поглотила многія мелкія государства. Теперь поглощеніе *должно было итти дальше*, за предѣлы Германіи. Иначе, —писали господа имперіалисты,—германскій міръ будетъ только „спутникомъ при Англіи и Россіи", какъ луна состоитъ спутникомъ при землѣ. А ей-ли, Германіи, съ ея умственной и военной мощью быть чьимъ бы то ни было спутникомъ?

Мало того: создавалось ученіе, что Германія должна быть не федераціей свободныхъ единицъ, а централизованной имперіей въ точномъ смыслѣ слова. Прочтите,

какъ наивно оправдывается Бюловъ (въ „Заключеніи“ своей книги) отъ подозрѣнія, что онъ когда-либо хотѣлъ для германской имперіи „представительнаго правленія въ западно-европейскомъ смыслѣ этихъ словъ“. Упаси Богъ отъ такихъ новшествъ! Государственные люди и правители Германіи по сіе время остались вѣрны трактату Священнаго Союза, подписанному въ Веронѣ, въ 1822 г.*). И въ концѣ-концовъ получается то, что съ тѣхъ поръ какъ, выражаясь словами Бюлова, „нѣмецкій разумъ и прусская монархія соединили свои силы“, Германія стала очагомъ не только имперіализма въ смыслѣ завоевательномъ, но и главнымъ оплотомъ имперіализма, внутренняго, какъ его понимали въ имперіи Наполеона III.

Но что всего ужаснѣе, это—то, что для осуществленія своихъ мечтаній руководители Германіи пошли на завоеваніе не какихъ-нибудь мало заселенныхъ колоній, а густо заселенныхъ странъ. Странъ, гдѣ, какъ во Фландріи и сѣверной Франціи, на каждую квадратную сажень люди положили вѣковой трудъ; гдѣ нельзя дать сраженія, не уничтоживъ того, что десятки тысячъ крестьянскихъ семей выростили и устраивали въ продолженіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ; гдѣ въ городахъ каждая бомба сжигаетъ, или обращаетъ въ щепки десятки домовъ рабочихъ, съ ихъ годами накопленной бѣдной обстановкой, и убиваетъ десятками женщинъ и дѣтей.

Наконецъ, въ Германіи по опыту знали, что́ собой

*) Его первая статья гласила, что договаривающіяся стороны „принимаютъ торжественное обязательство положить конецъ представительному правленію въ Европѣ, гдѣ бы оно ни существовало, и мѣшать его введенію тамъ, гдѣ оно еще не введено“.

предоставляетъ всеобщая воинская повинность, знали, что война выброситъ на поля битвъ *не менѣе двадцати милліоновъ людей*, вооруженныхъ самыми ужасными орудіями истребленія. И тѣмъ не менѣе, едва правители Германіи убѣдились, что въ военныхъ приготовленіяхъ они опередили своихъ сосѣдей, они не задумались двинуть свои полчища на густо заселенную, цивилизованную Европу. „Идите! Теперь мы захватимъ богатую Бельгію, плодородную Шампань, желѣзныя руды западной Лотарингіи, Парижъ, Парижъ! Алжиръ, Египетъ! То-то будетъ нажива! Теперь, или никогда!“

Вотъ почему среди народовъ, вступившихъ въ борьбу съ этимъ современнымъ проявленіемъ Тамерлановщины, окрѣпло мнѣніе, что германскому имеріализму и имперіализму вообще надо нанести такой ударъ, чтобы новая завоевательная война надолго осталась невозможной.

Въ значительной мѣрѣ такой ударъ уже нанесенъ. Въ началѣ войны вышла замѣчательная книжка американца Поуэлля (Powell), гдѣ очень образно разсказано и иллюстрировано фотографіями нашествіе германской арміи на Бельгію. Читая описаніе Поуэлля, положительно *чувствуешь*, какъ неотразимо было нашествіе тяжелой массы милліонныхъ армій, съ ихъ разрушительною артиллеріей, чувствуешь, что остановить эти полчища *тогда* тогда было невозможно.

Но въ теперешней войнѣ проявилось нѣчто новое. Въ бой съ завоевателями вступили не арміи, а цѣлые народы.

И народы измѣнили первоначальное соотношеніе силъ. Они создали новыя арміи, заново вооружили ихъ и вдохновили ихъ неизвѣстною до тѣхъ поръ силою. Неподго-

товленную армію можно разбить. Но о народъ, не желающій подпасть подъ чужое иго, разбиваются самыя сильныя арміи.

Именно *это начинаютъ чувствовать въ Германіи*. Финансовое разстройство, недоѣданіе,—все это германскій народъ вынесъ бы; но его начинаетъ угнетать безысходность, безрезультатность начатой войны. И уже раздаются въ Германіи голоса, что по крайней мѣрѣ на западномъ фронтѣ надо отказаться отъ завоеваній. Есть также основаніе думать, что и на восточномъ фронтѣ Австрія и Германія чувствуютъ невозможность удержать свои захваты, не затянувъ войны еще на нѣсколько лѣтъ. Что же касается до милліардныхъ контрибуцій, которыми должны были обогатиться нѣмцы, то о нихъ уже вовсе нѣтъ рѣчи.

Но если *такъ* закончится война; если послѣ всего ужасающаго кровополитія и разоренія германскій народъ окажется обманутымъ во всѣхъ своихъ надеждахъ, то германскому имперіализму уже нанесенъ будетъ такой ударъ, отъ котораго онъ едва ли оправится.

Обѣщать народу Парижъ, Калэ, Антверпенъ, Ригу, Кіевъ, Польшу, Литву, а внѣ Европы—Марокко, Алжиръ и Египетъ; высчитывать, сколько десятковъ милліардовъ можно будетъ сорвать съ Франціи; готовиться къ войнѣ десятки лѣтъ, потребовать отъ народа отчаянныхъ, милліонныхъ жертвъ, пролить рѣки крови, и въ концѣ-концовъ объявить: „Сорвалось!“,—отъ такого удара не оправится ни завоевательный, ни бонапартовскій имперіализмъ, ни система, умѣреннаго самодержавія, столь дорогая сердцу Бюлова.

Замѣтьте, что при этомъ война ребромъ поставила

новый вопросъ: „*Не шла-ли Германія вообще по ложному пути?* Правда-ли, что лучшій путь для обогащенія страны, это—стать страною обрабатывающей промышленности и получать съѣстные припасы и сырье изъ подчиненныхъ ей земледѣльческихъ странъ?“

Такъ обогащались въ Англіи крупные землевладѣльцы и средніе классы. Но лучшій-ли это путь? Не представляютъ-ли Франція и Соединенные Штаты другой типъ болѣе прочнаго и болѣе равномѣрнаго обогащенія, благодаря одновременному развитію земледѣлія и мануфактурной промышленности?

Вотъ вопросъ, который неизбѣжно возникнетъ передъ мыслящею Германіею. Онъ уже возникъ въ самой Англіи, гдѣ война поставила на очередь планы коренной перестройки всей экономической жизни. Но объ этомъ отложу бесѣду до другого случая.

Брайтонъ.
16 (29-го) октября
1916 г.

Письмо пятое.

I.

Дорогой мой другъ.—Въ предыдущемъ письмѣ я указывалъ на то, что въ основѣ завоевательныхъ стремленій Германіи лежитъ мысль, разбогатѣть такъ, какъ разбогатѣли средніе классы Англіи, благодаря сильному развитію промышленнаго и торговаго капитализма, обширной морской торговлѣ и колоніямъ.—„*Такъ богатѣла Англія, и такъ должны теперь развиваться мы*“. На этой идеѣ воспитывалась Германія за послѣднія тридцать или сорокъ лѣтъ.

Между тѣмъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ исторіей Англіи становится ясно, что своимъ могуществомъ въ промышленности и на моряхъ Англія обязана, прежде всего тому, что она начала перестройку своего устарѣлаго общественнаго строя уже въ серединѣ семнадцатаго вѣка,—въ такую пору, когда другія государства, кромѣ Голландіи, продолжали жить подъ полу-феодальнымъ строемъ. Во Франціи такая перестройка началась лишь 140 лѣтъ позже, а въ Германіи—почти черезъ двѣсти лѣтъ, и то только послѣ толчка, даннаго ей арміями первой французской республики.

Условій, въ которыхъ такимъ образомъ развивалась Англія, нельзя замѣнить ни образцовой арміей, ни обш-

ліемъ техническихъ школъ, ни усовершенствованными способами навязывать свои товары иностранцамъ. Нельзя потому, что все это не замѣняетъ общественнаго, умственнаго и промышленнаго *подъема и творчества*, проявленныхъ Англіей въ эти годы. Притомъ вооруженіе, школы, удешевленное производство становятся теперь международнымъ достояніемъ и легко переносятся изъ одной страны въ другую. Вспомните только, какъ быстро французская и англійская армія сумѣли въ эту войну догнать и отчасти обогнать германскую армію, несмотря на ея многолѣтнюю подготовку.

Писатели-экономисты съ особой любовью останавливаются въ исторіи англійскаго народа на такъ-называемомъ „Промышленномъ переворотѣ“, т. е. на тѣхъ годахъ (1790—1850), когда, съ появленіемъ паровой машины, промышленность Англіи переходила отъ кустарнаго, ремесленнаго производства къ машинному, фабричному. Они подробно описываютъ, какъ исчезали мелкіе мастера въ прядильномъ и ткацкомъ производствѣ, какъ шло „развитіе капитализма“, какъ совершалась „концентрація капитала“.

Но паровую машину, или даже водяной двигатель, нельзя было бы приложить къ ручной прялкѣ, какою мы ее знали въ нашемъ дѣтствѣ, и какою она была въ Англіи въ XVII вѣкѣ. Чтобы перейти отъ такой прялки къ станку съ нѣсколькими десятками веретенъ, который можно было бы поручить машинѣ, или отъ ручного ткацкаго станка къ станкамъ, движимымъ паромъ, нужно было, чтобы цѣлое населеніе ремесленниковъ, — прядильщиковъ и ткачей, — проработало цѣлое столѣтіе, весь XVIII вѣкъ, надъ множествомъ мелкихъ, удачныхъ и неудачныхъ улучшеній.

Возьмите, напримѣръ, изобрѣтеніе бумаго-прядильной машины. Это—цѣлая эпопея. Въ началѣ XVIII вѣка въ Англіи знали только ручную самопрялку. Но вотъ изъ Америки начинаютъ привозить хлопокъ. Прясть его труднѣе, чѣмъ ленъ или коноплю, труднѣе получить изъ него ровную и крѣпкую нитку, такъ, что хотя и ткутъ въ Англіи ткани изъ хлопка, но „основу“ для нихъ дѣлаютъ изъ льняныхъ нитокъ. А между тѣмъ такія ткани въ большомъ ходу, а слѣдовательно, спросъ растетъ на хлопчатобумажную пряжу.

И вотъ сотни прядильщиковъ и ткачей начинаютъ изобрѣтать самопрялку, сразу работающую нѣсколькими веретенами. Но проходитъ 30 лѣтъ, прежде чѣмъ Уайатту (Wyatt) удалось изобрѣсти въ 1733 году что-то въ этомъ родѣ. Онъ даже завелъ маленькія фабрики; но его самопрялка не удовлетворяла ткачей. Около того же времени (1738) Пауль изобрѣлъ такую же машину, и тоже потерпѣлъ неудачу, хотя его мысль, когда она стала общимъ достояніемъ, пригодилась впослѣдствіи.

Тѣмъ временемъ изобрѣтатели замѣтили, что сперва надо усовершенствовать машинное чесаніе хлопка и выравниваніе его волоконъ (кардованіе), и многіе работали надъ этимъ, раньше чѣмъ одному ткачу, Харгрэвсу, удалось въ 1760 году изобрѣсти практическую кардовальную машину.

Тогда онъ направилъ свои усилія на механическую самопрялку и черезъ семь лѣтъ напалъ на мысль, снабдить колесо обыкновенной самопрялки восемью веретенами и замѣнить работу пальцевъ прядильщицы довольно простымъ механическимъ приспособленіемъ. Его машина,—

онъ назвалъ ее „Прядущая Дженни“, по имени своей дочери,—оказалась удачной и сразу пошла въ ходъ.

И, какъ всегда бываетъ, когда много изобрѣтателей занято однимъ вопросомъ, въ эти годы сразу явилось нѣсколько рѣшеній той же задачи.

Брадобрѣй Аркрайтъ, разъѣзжавшій по всей Англіи, чтобы скупать волоса для париковъ, вѣроятно наслышавшись повсемѣстно о попыткахъ изобрѣсти прядильную машину, соединился ради этого съ однимъ часовщикомъ, Кэемъ, тоже изобрѣтателемъ, и вдвоемъ они выдумали (1768 г.) очень удачное приспособленіе, чтобы обращать грубую нитку въ болѣе тонкую и прочную, годную для „основы“. Уже въ слѣдующемъ году Аркрайтъ, соединившись съ двумя фабрикантами, открылъ фабрику, гдѣ его прядильныя машины приводились въ движеніе лошадиной силой *).

И, наконецъ, около того же времени (1774—1779) юноша Кромптонъ, мечтатель, музыкантъ, просиживавшій цѣлые дни за восьми-веретенной самопрялкой Харгрэвса, додумался до еще лучшей машины. Она представляла сочетаніе идей Харгрэвса и Аркрайта, почему онъ и назвалъ ее муломъ (mule, или mule-jenny). Но, съ его собственными улучшеніями, она была уже такимъ шагомъ впередъ, что Кромптонъ, ко всеобщему удивленію, могъ черезъ нѣсколько лѣтъ прясть на ней тончайшія нити для тюля, и къ ея ровному ходу можно было примѣнить

*) Вообще изобрѣтателемъ прядильной машины называютъ Аркрайта. Но нѣтъ сомнѣнія, что его работа представляла сводъ работъ Пауля, Хейса (работавшаго съ часовщикомъ Кэемъ) и Харгрэвса, съ существенными дальнѣйшими улучшеніями Аркрайта.

паровой двигатель. Двадцать лѣтъ спустя въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи работало уже 4,500,000 веретенъ въ кромптоновскихъ машинахъ, и онѣ перерабатывали милліонъ пудовъ хлопка.

II.

Надѣюсь, вы не посѣтуете на меня за этотъ длинный разсказъ: въ исторіи изобрѣтенія прядильной машины такъ хорошо выступаетъ работа мысли среди ремесленнаго населенія Англіи. Скажу только, что совершенно такую же работу продѣлывали многіе изобрѣтатели, прежде чѣмъ они дошли до машинъ для обработки шерсти, для вязанія чулокъ и для плетенія кружевъ, для выдѣлки плиса, для печатанія ситцевъ съ цилиндровъ и т. д.

Такую же послѣдовательность изобрѣтеній, большею частью безымянныхъ, можно прослѣдить, начиная съ 1730 г., въ выдѣлкѣ желѣза и стали, въ способахъ добыванія угля и выкачиванія воды изъ шахтъ, въ проведеніи каналовъ и шоссейныхъ дорогъ, въ кораблестроеніи,—словомъ, во всѣхъ отрасляхъ богатой, могучей промышленности, развившейся въ Англіи въ теченіе XVIII вѣка.

Вотъ почему уже тогда для англійской промышленности, далеко опередившей всѣ остальныя страны, даже Францію, открылся всемірный рынокъ. И вотъ почему можно было отмѣтить такой поразительный фактъ, что когда американскія колоніи Англіи свергли съ себя власть метрополіи, онѣ тѣмъ не менѣе продолжали, тотчасъ же по заключеніи мира, ввозить къ себѣ англійскій товаръ. Онъ не встрѣчалъ соперниковъ.

Само-собой разумѣется, что подъемъ народнаго твор-

чества въ Англіи XVIII вѣка не былъ случайнымъ явленіемъ. Его причины лежали въ глубокихъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ общественной жизни страны въ теченіе предыдущихъ пятидесяти лѣтъ, вслѣдствіе революціи 1637—1689 годовъ.

Эти перемѣны не только освободили ремесленное производство отъ мертвящей опеки государства, въ такое время, когда во всѣхъ другихъ странахъ, кромѣ Голландіи, чиновничья опека продолжала тяготѣть надъ промышленностью и мѣшать ея развитію. Онѣ пробудили *самоуваженіе личности, вѣру въ свои силы, предпріимчивость и общественное строительство*.

Онѣ провозгласили права разума и научнаго опыта, не только въ верхахъ общества, но и среди ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, съ ихъ безчисленными полурелигіозными и полуполитическими Обществами. Оттого, несмотря на свирѣпость реакціи, когда въ лицѣ Карла II временно возвратилась династія Стюартовъ, Англія могла тѣмъ не менѣе дать, полвѣка спустя, такихъ мыслителей, какъ Бойль, Локкъ, Хётчинсонъ и т. д., и такихъ людей, какъ Броунъ, Робинзонъ и „отцы-пилигримы“, т. е. первые эмигранты, переселившіеся въ Америку [2]).

---

[2]) Извѣстно, что „Заявленіе“, подписанное ими передъ тѣмъ, какъ сойти на берегъ въ Америкѣ, уже содержало въ себѣ основныя начала новаго федеральнаго и демократическаго склада жизни, выраженнаго впослѣдствіи въ „Заявленіи Независимости“ Соединенныхъ Штатовъ, а потомъ и въ „Правахъ Человѣка“ французской республики. Напомню также, что „Королевское Общество“, т. е. Royal Society,—не академія чиновниковъ, а вольное Общество для борьбы съ невѣжествомъ при помощи естественно-научнаго метода,—было основано въ царствованіе Карла II, несмотря на разгаръ католической реакціи.

Дѣло въ томъ, что политическій переворотъ, совершившійся въ Англіи въ 1637—1689 гг., не ограничился однимъ усиленіемъ власти парламента. Рядомъ съ расширеніемъ политическихъ правъ народа, расширились также *права мѣстнаго самоуправленія*, особенно въ главномъ его органѣ,—*сельскомъ приходѣ* *).

Съ давнихъ временъ англійскій приходъ не былъ простымъ собраніемъ вѣрующихъ. Онъ былъ также *мелкой земской единицей*, гдѣ встрѣчались на равной ногѣ люди всякихъ общественныхъ положеній, съ одной стороны для защиты своихъ религіозныхъ правъ и права на воспитаніе дѣтей въ своей вѣрѣ, а съ другой стороны—для разныхъ земскихъ обязанностей. Заботы о неимущихъ въ силу „Закона о бѣдныхъ", обложеніе съ этой цѣлью всѣхъ домохозяевъ (сообразно ихъ „видимому достатку"), содержаніе дорогъ, санитарныя и полицейскія мѣры,—все это рѣшалось приговорами прихода. И здѣсь устанавливалось то личное общеніе между ремесленниками и людьми среднихъ классовъ, на которое постоянно наталкиваешься въ исторіи англійскихъ изобрѣтеній XVIII вѣка и котораго свѣжіе слѣды я находилъ въ восьмидесятыхъ годахъ въ западныхъ графствахъ Средней Англіи.

Тѣмъ временемъ парламентъ все время разрушалъ пережитки крѣпостного и феодальнаго строя, и тѣмъ, съ своей стороны, способствовалъ развитію промышленности. Такъ, напримѣръ, онъ положилъ конецъ монополіямъ,

*) Въ книгѣ Редлиха и Хэрста (Hirst), „Мѣстное самоуправленіе въ Англіи" (1903), и въ прекрасной статьѣ М. М. Ковалевскаго, посвященной исторіи Великобританіи въ „Словарѣ" Граната, читатель найдетъ интересныя данныя по этому вопросу.

щедро раздававшимся при Карлѣ I его любимцамъ и сподручникамъ и жестоко тормозившимъ развитіе новыхъ отраслей промышленности. А создавъ „Англійскій банкъ“, съ цѣлью ослабить власть короля, занимавшаго деньги у лондонскихъ купеческихъ гильдій, парламентъ тѣмъ самымъ облегчилъ возникновеніе мелкихъ предпріятій, пользовавшихся низкимъ процентомъ учета векселей.

Вообще, послѣ всеобщей нищеты въ царствованіе Карла I, благосостояніе стало быстро подниматься, и все это, вмѣстѣ взятое, сдѣлало то, что уже въ XVIII вѣкѣ, Англія далеко опередила въ развитіи промышленности всѣ сосѣднія страны. Работа англійскихъ мастеровъ стала считаться лучшею въ Европѣ, и только въ изяществѣ англійскій товаръ уступалъ французскому. Англію называли „мастерскою всего міра“.

Ничего подобнаго этому творчеству цѣлаго народа, пробужденнаго къ новой жизни,—въ то время какъ въ сосѣднихъ странахъ еще держался крѣпостной строй,—ничего подобнаго *не представляетъ и не можетъ представлять современная Германія.*

III.

Другое стремленіе государственныхъ людей Германіи состоитъ въ томъ, чтобы ихъ страна стала такою же могучею морскою державою, какъ Англія. Но и здѣсь они упускаютъ изъ вида, что морское могущество Англіи создалось не столько морскими войнами и завоеваніями, сколько тѣмъ, что она опередила другія страны въ развитіи морской торговли и заселяла страны почти безлюд-

ныя; причемъ это дѣлалось въ такую пору, когда Кортэсъ могъ покорить Мексику, имѣя всего 700 человѣкъ команды, а Пизарро овладѣлъ Перу, высадившись всего съ 183 спутниками.

Въ расширеніи морского владычества Англіи германскіе писатели видятъ только ея могучій военный флотъ. Между тѣмъ, если этотъ флотъ помогъ завоеваніямъ, то началось колоніальное распространеніе Англіи не съ завоеваній.

Едва только португальцы и испанцы начали выходить въ открытый океанъ (до того мореплаватели не отходили далеко отъ береговъ), и едва стали они изобрѣтать для этого новую оснастку судовъ парусами и новые способы опредѣлять положеніе корабля въ открытомъ морѣ, какъ англичане немедленно послѣдовали ихъ примѣру.

Ни въ томъ, ни въ другомъ они не отставали, какъ и подобало странѣ, гдѣ берега изрѣзаны тысячами заливовъ и бухтъ, и береговое населеніе съ дѣтства роднится съ моремъ, какъ монголъ со степью, или эксимосъ со льдами. А рядомъ съ этимъ развитіе тонкой работы въ промышленности дало Англіи возможность создать уже въ XVIII вѣкѣ такіе хронометры, что съ ними моряки могли смѣло пускаться въ дальнее плаваніе.

Вотъ почему англійскіе мореплаватели раньше другихъ изслѣдовали острова Тихаго океана, заняли Австралію и Новую Зеландію, проникли въ Канаду и проложили путь въ Архангельскъ. И вотъ почему уже при Кромвелѣ (1651) могъ быть изданъ Навигаціонный Актъ, въ силу котораго товары изъ Азіи, Африки и Америки должны были ввозиться въ Англію только на англійскихъ судахъ. А такъ

какъ иноземные товары привозились въ Англію, какъ для внутренняго потребленія, такъ и для отправки въ другія страны, то Навигаціонный Актъ помогъ центру міровой торговли перейти изъ Антверпена въ Англію, особенно въ Лондонъ.

Но если бы Англія уже тогда не имѣла громаднаго торговаго флота, Навигаціонный Актъ былъ бы невозможенъ. Создался же этотъ флотъ и выросла морская торговля главнымъ образомъ потому, что въ это время уже создавалась обширная обрабатывающая промышленность. Англичане не только привозили къ себѣ иноземные товары,—пряности, тонкія ткани изъ Индіи, металлы и т. п. Они везли повсюду *свои* товары и вездѣ находили готовыхъ покупателей. Въ этомъ было ихъ превосходство надъ голландцами и испанцами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ они пришли въ обѣ Индіи и къ берегамъ Америки не какъ завоеватели, не для распространенія своей религіи огнемъ и мечомъ, какъ это дѣлали испанцы и португальцы. Они пришли, какъ торговцы,—какъ люди, ищущіе другихъ людей, желающихъ вступить съ ними въ сношенія.

Только такимъ образомъ горсть англичанъ, составлявшихъ Остъ-Индскую кампанію, могла утвердиться, одновременно съ голландцами, въ Индіи. И только гораздо позже,—сперва для зашиты своихъ факторій во время междоусобныхъ войнъ туземнаго населенія,—начали они утверждать силою оружія свое политическое господство.

Наконецъ, когда англичане высаживались въ новой части свѣта съ цѣлью прочно осѣсть, какъ колонисты-земледѣльцы, они несли,—по крайней мѣрѣ вначалѣ,—

основы новой общественности, какъ это сдѣлали уже „отцы-пилигримы“ со своимъ „Заявленіемъ“ и жители Пенсильваніи со своимъ призывомъ къ братству по отношенію къ краснокожимъ индѣйцамъ.

Конечно, впослѣдствіи, вслѣдъ за мирными переселенцами появлялись чиновники и солдаты; но и солдаты высаживались въ такомъ ничтожномъ числѣ, что должны были искать *соглашенія* съ туземцами. Завоеванія пришли гораздо позже.

Ничего подобнаго уже не можетъ сдѣлать Германская имперія. Такъ какъ лучшія колоніи разобраны, то ихъ пришлось бы отвоевывать у англичанъ, французовъ и голландцевъ. А для этого нужно было бы имѣть военный флотъ, способный сокрушить морскія силы Англіи и Франціи. И мы видимъ теперь, что когда Германія сдѣлала попытку отнять богатыя колоніи у своихъ сосѣдей, получилась такая ужасная, разорительная и безрезультатная война, какъ теперешняя.

Безрезультатною она *необходимо должна была быть*. И если бы управители Германіи и ея мыслители не были отуманены нелѣпымъ лозунгомъ: „Германія превыше всѣхъ!“,—они могли бы сами предсказать такой исходъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что *новаго* несла Германія міру? Несла ли она народамъ разрушеніе крѣпостного, феодальнаго строя и начало политическаго равенства, какъ это дѣлали арміи первой французской республики? Или—начала правового развитія народовъ и федерализма, которыя Англія утвердила въ Канадѣ, съ ея пятнадцатью парламентами, а также въ Австраліи, Новой Зеландіи и даже въ Южной Африкѣ?

Ничего подобнаго! Она только замѣнила крестъ и костры испанцевъ пушками и прусскими чиновниками, не признающими никакого областного самоуправленія. И шла она съ этими представителями отживающаго прошлаго не противъ безоружныхъ перуанцевъ или мексиканцевъ, а противъ такихъ же европейскихъ пушекъ.

Мало того. Чтобы присвоить себѣ Алжирію и Марокко, она пошла на всю цивилизацію Франціи, гдѣ, конечно, противъ германскихъ пушекъ выставили не уступающія имъ французскія, и доказали, что организаціонныя способности не составляютъ особой принадлежности германскаго „генія".

Въ этой безсодержательности германскаго нашествія—главная трагедія современной исторіи. И то сказать. Если бы Германія несла какіе-нибудь лозунги *обновленія*, ей не зачѣмъ было бы итти на Европу съ гигантскими пушками, съ отравляющими газами и жидкимъ огнемъ, съ грабежомъ, рабствомъ и „устрашеніемъ" не-воюющей части населенія.

Ничего, даже издали похожаго на обновленіе, Германія не несла ни на западъ, ни на востокъ. Она начала войну безъ всякой другой цѣли, кромѣ жажды наживы. И за это она уже жестоко наказана. Наказана—безплодностью своихъ жертвъ, и будетъ наказана приговоромъ мыслящаго человѣчества.

Брайтонъ, 17-го (30) декабря 1916.

Письмо шестое.

I.

Дорогой мой другъ, — въ предыдущемъ письмѣ я пытался показать, какъ ошибались тѣ, кто думалъ, что Германіи достаточно будетъ развить у себя обширную обрабатывающую промышленность, чтобы занять въ мірѣ такое же первенствующее мѣсто, какое заняла Англія.

Въ дѣйствительности оказалось, что развитія крупной промышленности и искуснаго завоеванія рынковъ еще не достаточно. Не говоря о другихъ причинахъ, уже вслѣдствіе того, что Германія не проявила ни того подъема самобытности въ народѣ, ни того творчества, какіе проявила Англія, благодаря совершенной ею революціи 1648—1688 года, она могла *только догнать* Англію, Францію и Бельгію въ фабричномъ производствѣ, *но не могла превзойти ихъ*. Между тѣмъ Англія, обновленная революціею, въ продолженіе полутораста лѣтъ превосходила всѣхъ своихъ сосѣдей именно въ *творческомъ* развитіи, чѣмъ и создала въ то время главную свою силу.

Этого, конечно, не могли не замѣчать въ самой Германіи. Но вмѣсто того, чтобы доискаться до причинъ такой разницы и критически отнестись къ своей цѣли, значительное число германскихъ общественныхъ дѣятелей и мыслителей ударилось въ завоевательный имперіализмъ.

Содѣйствуя развитію своей крупной промышленности и торговли, они въ то же время усердно разрабатывали и распространяли въ той или другой формѣ мысли Фридриха II-го насчетъ *необходимости для Германіи завоеваній* и безполезности всякаго „зазрѣнія совѣсти“ въ этомъ дѣлѣ*). „Большому кораблю, — говорили они, — большое плаванье!“.

Эти завоевательныя стремленія и порожденныя ими теченія мысли, очевидно, обезсиливали умственный подъемъ, несомнѣнно совершавшійся въ Германіи. И въ результатѣ, жалкое наслѣдіе *прусской* исторіи Фридриха и Бисмарка, разработанное всякими Трейчке, Бернгарди и Бюловыми, привело Германію къ теперешней войнѣ и къ настоящему ея безвыходному положенію.

Уже бурская война обнаружила, какъ дорого обходятся теперь завоеванія. Война же послѣднихъ двухъ лѣтъ доказала, что при современномъ международномъ характерѣ научныхъ знаній завоеванія не только обходятся слишкомъ дорого, но что даже тогда, когда удается завоевать что-нибудь внезапнымъ натискомъ, удержать захваченное бываетъ очень трудно. Времена Римской Имперіи прошли безвозвратно, и въ исторіи наступаютъ новыя времена: скорѣе времена *отказа* отъ прежнихъ завоеваній, чѣмъ новыхъ захватовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ руководители общественной мысли въ Германіи впали въ другую крупную ошибку, — общую имъ, надо сказать, съ большинствомъ экономистовъ. Они

*) Я имѣю въ виду „Исторію моего времени“, гдѣ Фридрихъ стряхивалъ съ себя то, что писалъ раньше, въ подражаніе Марку Аврелію, въ своемъ предыдущемъ сочиненіи, „Противъ Макіавелли“.

не замѣчали, что путь, по которому шла Англія, *сталъ уже ложнымъ для нашего времени.*

Обогащалась Англія (т. е. ея высшее и среднее сословія) главнымъ образомъ тѣмъ, что въ ней быстро развивалась промышленность и возрасталъ вывозъ ея произведеній за границу. Этимъ путемъ накоплялись капиталы; земледѣліе же падало и площадь посѣвовъ сокращалась (причемъ въ количествѣ разводимаго скота не было соотвѣтственнаго приращенія), и страна дошла до того, что больше половины всей земли, *удобной* для земледѣлія, оставалась необработанной (6,500,000 десятинъ изъ 12,000,000); такъ что за послѣдніе годы передъ войной *двѣ трети* нужнаго хлѣба, мяса и овощей привозились изъ за границы. При этомъ замѣтьте, что густота населенія въ Англіи гораздо меньше чѣмъ, напримѣръ, въ промышленной Бельгіи, гдѣ народъ выращивалъ передъ войной почти девятьдесятыхъ своей пищи и вывозилъ значительное количество продуктовъ земледѣлія.

Уже лѣтъ тридцать тому назадъ, во время тяжелаго промышленнаго кризиса 80-хъ годовъ, я указывалъ на невозможность строить благосостояніе Англіи на такомъ зыбкомъ фундаментѣ *). *Всѣ* образованныя страны, — писалъ я, — развиваютъ у себя крупную промышленность. и между всѣми ими идетъ острая борьба изъ-за рынковъ. Вслѣдствіе этого громадные барыши, получавшіеся Англіею отъ вывозной торговли, уже исчезаютъ. Даже ея колонія,

*) Сперва въ журнальныхъ статьяхъ, а потомъ въ книгѣ Fields, Factories and Workshops (въ русскомъ переводѣ Коншина „Поля, фабрики и мастерскія“,) изд. Посредника.—Новое дополненное англійское изданіе въ 1912 году.

Индія, несмотря на всѣ мѣры, принятыя чтобы помѣшать развитію въ ней промышленности, является теперь соперницей Англіи въ продажѣ мануфактурнаго товара на Востокѣ. Наступаетъ пора, когда Англія, какъ и всѣ другія страны, должна будетъ озаботиться о согласованномъ производствѣ у себя дома какъ мануфактурныхъ товаровъ, такъ и своей пищи, и о созданіи у себя достаточныхъ домашнихъ потребителей для значительной части своихъ мануфактурныхъ товаровъ.

Война настолько подтвердила эти взгляды, что теперь ихъ признаютъ почти всѣ въ самой Англіи. Но тогда мнѣ отвѣчали обычными утвержденіями, ходячими со временъ Жана-Батиста Сэя. „Между странами, — говорили мнѣ, — какъ и между людьми, нужно раздѣленіе труда. Однѣ страны самою природою предназначены, чтобы быть руководителями человѣчества, а другія должны довольствоваться подчиненною ролью: онѣ должны снабжать болѣе развитыя страны пищею и сырьемъ".

Въ Германіи то же самое повторяли неустанно даже писатели гораздо болѣе передовые, чѣмъ экономисты изъ школы Ж.-Б. Сэя. И они не замѣчали, что, проповѣдуя развитіе капитализма при помощи такого „раздѣленія труда" между націями, они неизбѣжно должны были притти къ оправданію имперіализма; а имперіализмъ долженъ былъ привести Германію къ столкновенію съ остальнымъ образованнымъ міромъ.

Кромѣ того,—за немногими, рѣдкими исключеніями,— они не замѣчали, что въ жизни народовъ, особенно во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ, уже намѣчался

новый типъ болѣе равномѣрнаго обогащенія страны и болѣе цѣлесообразнаго примѣненія всѣхъ ея силъ.

Въ этомъ новомъ типѣ развитія народъ направляетъ свои усилія къ тому, чтобы въ одинаковой мѣрѣ развивать у себя промышленность и земледѣліе, крупную промышленность и мелкое производство, поддерживаемое кооперацією. Обрабатывающая промышленность работаетъ въ такомъ случаѣ не столько для вывоза, сколько, предже всего, для снабженія своего населенія всѣмъ тѣмъ, что ему нужно при растущемъ спросѣ на удобства жизни и на удовлетвореніе потребностей высшаго порядка. Образованіе и творческія силы страны одинаково идутъ на помощь крупной промышленности (тамъ, гдѣ она необходима для успѣха самаго производства, а не для усиленія барышей) и искусному мастерству; онѣ помогаютъ хлѣбопашцу и огороднику, или садоводу, морской торговлѣ дальняго плаванія и внутреннему обмѣну, умственному развитію большихъ городовъ и степной деревни. Словомъ, вырабатывается, несмотря на множество препятствій, *новый типъ развитія народовъ*.

Вотъ объ этомъ типѣ мнѣ хочется побесѣдовать съ вами, тѣмъ болѣе, что, судя по всему, Россіи предстоитъ итти именно по этому пути, а вовсе не по пути капиталистическаго имперіализма. А такъ какъ по этому новому пути опредѣленнѣе другихъ идутъ Соединенные Штаты, то всего лучше будетъ пояснить мою мысль примѣрами изъ ихъ жизни.

II.

Было время, когда поклонники „концентраціи капитала“, возводившіе это явленіе во всеобщій „законъ“ хозяйственнаго развитія, съ восторгомъ указывали на появленіе „мамонтовыхъ хозяйствъ“ (Mammouth Farms) въ западныхъ, степныхъ, штатахъ Сѣверной Америки, и рядомъ съ ними на всеобщую задолженность мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ въ восточныхъ штатахъ. Имъ уже мерещилось государственное земледѣліе, съ его „арміями труда“, о которыхъ писали въ сороковыхъ годахъ французскіе государственные коммунисты (Кабэ, Леру и др.) и ихъ нѣмецкіе послѣдователи.

Дѣйствительно, было врема, когда казалось, что громадныя хозяйства станутъ преобладающею формою американскаго земледѣлія. Всѣ иллюстрированные журналы давали тогда фотографіи работъ на „мамонтовыхъ фермахъ“, и я живо помню эти картины.

Передъ вами — безпредѣльныя степи, безъ всякихъ слѣдозъ жилья. По нимъ движутся шеренги плуговъ, запряженныхъ крѣпкими лошадьми, а за ними рядовыя сѣялки. Затѣмъ, осенью, тѣ-же степи уже покрыты густою, рослою пшеницею. По нимъ движутся жатки-сноповязалки. Позади ихъ—вереница высоко-нагруженныхъ телѣгъ везетъ снопы къ паровой молотилкѣ, установленной тутъ же, въ полѣ; тогда какъ другая вереница тянется отъ молотилки и увозитъ мѣшки съ зерномъ, чтобы ссыпать его въ зернохранилища *).

*) Въ американскихъ и канадскихъ степяхъ хлѣбъ не сушатъ передъ молотьбой.

Слѣдующая картина была такая: въ степи, тамъ и сямъ горятъ громаднѣйшіе вороха соломы, оставшейся на мѣстахъ послѣ молотьбы. Та компанія, у которой первой поднимался столбъ огня и дыма, торжествовала: ей былъ особый почетъ. Притомъ и хлѣбъ свой она продавала лучше другихъ. Его уже ждалъ на Большихъ Озерахъ цѣлый флотъ пароходовъ, чтобы перевезти его, по каналу, въ рѣку св. Лаврентія, а оттуда въ Европу.

Затѣмъ все пустѣло. Пропадали люди, лошадей угоняли въ другія степи, или продавали на мѣстѣ; и на пространствѣ многихъ сотенъ квадратныхъ верстъ оставалось лишь нѣсколько сторожей.

Любители военныхъ парадовъ въ восторгъ приходили отъ этихъ картинъ. „Вотъ оно, земледѣліе будущаго!“ — восклицали они. „Прямой переходъ къ соціализму!“—прибавляли другіе.

Но вотъ прошло лѣтъ тридцать, и картина измѣнилась.

Въ 1897 году я проѣзжалъ съ членами Британской Ассоціаціи Наукъ по степямъ канадской провинціи Манитобы, сразу напомнившимъ мнѣ нашу Барабинскую степь. Съѣздъ Ассоціаціи происходилъ въ этомъ году въ Канадѣ, въ Торонто, и послѣ съѣзда мы ѣхали, человѣкъ двадцать геологовъ и географовъ, по недавно построенной Канадской магистрали къ берегамъ Тихаго океана. Въ интересныхъ мѣстахъ нашъ вагонъ отцѣпляли, и мы останавливались на сутки, до слѣдующаго поѣзда.

Въ Манитобѣ, такъ же какъ и въ степяхъ Соединенныхъ Штатовъ, еще недавно существовали „мамонтовыя хозяйства“, и мы жаждали увидать ихъ въ натурѣ.

„Но ихъ нѣтъ больше; исчезли“,—говорили намъ канадскіе изслѣдователи, сопровождавшіе насъ.—„Какъ исчезли?“—„Очень просто! Они скоро истощили землю, и пошли неурожаи. Спекуляторы распродали лошадей и пошли дальше на Западъ, искать въ Соединенныхъ Штатахъ другихъ мѣстъ для эксплоатаціи почвы А мы работаемъ теперь, чтобы возстановить и увеличить плодородіе земли. Вы видите постройки, разбросанныя по степи, и зернохранилища (элеваторы) чуть не на каждой станціи. Бо́льшую часть земли раскупили мелкіе фермеры, и они снимаютъ урожаи, не хуже прежнихъ спекуляторовъ“.

„Но какъ же это?—возражали пріѣзжіе гости“;—извѣстно что вездѣ идетъ концентрація капитала“.—„Ну, тамъ, какъ хотите, а у насъ иначе“,—говорилъ Даусонъ, превосходно знавшій западную Канаду.—„Но, помилуйте, задолженность мелкихъ фермеровъ: о ней столько писали„.—„Выплатили большую часть долговъ и обзавелись машинами послѣ нѣсколькихъ урожайныхъ годовъ“.

Въ справедливости этихъ послѣднихъ словъ я могъ убѣдиться на обратномъ пути, когда, съѣздивъ сперва въ Саскачуанъ, чтобы посѣтить фермы новосёловъ, я ѣхалъ затѣмъ, большей частью вмѣстѣ съ начальникомъ канадскихъ опытныхъ станцій, д-ромъ Сандерсомъ, посѣщая опытныя станціи по пути и фермеровъ въ южной Манитобѣ.

Степи дѣйствительно покрылись хозяйствами въ четверть и полъ-квадратной мили (62 и 124 десятины); и хотя первые шаги въ Канадѣ трудны для хозяина, не имѣющаго для начала около тысячи рублей своихъ денегъ (вслѣдствіе безработицы зимою), но вездѣ, кромѣ безводной полосы, хозяйства налаживались; большая часть уже обзавелась

машинами, купленными въ кредитъ у хорошо извѣстныхъ у насъ въ Россіи большихъ фабрикантовъ.

„Съ трудомъ выплачиваютъ?“—спрашивалъ я агента одной изъ этихъ компаній, случайно столкнувшись съ нимъ въ поѣздѣ.—„Всяко бываетъ,“ отвѣчалъ онъ; „первые годы—да! Но затѣмъ случится урожайный годъ, какъ нынѣшній, и тогда выплачиваютъ такъ, что я стараюсь навязать имъ что-нибудь другое. Вѣдь это — прекрасно помѣщенный капиталъ: процентъ небольшой, но за-то вѣрный“. Его слова подтвердили и мои пріятели, хорошо знакомые съ земледѣліемъ въ Канадѣ.

То же самое, но съ еще большимъ преобладаніемъ небольшихъ хозяйствъ, я видѣлъ потомъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ 1901 году, когда пересѣкалъ Огайо (Ohio) на пути въ Чикаго и ѣздилъ дальше, въ Висконскинъ. Степь, гдѣ прежде царили „мамонтовыя хозяйства“, была уже покрыта мелкими фермами и усыпана вѣтрянками (круглыми, американскаго фасона) для накачиванія воды изъ колодцевъ въ огороды. Степь, покрытая вѣтрянками,— прямо-таки поразительное зрѣлище.

Когда же я обратился къ статистическимъ работамъ, чтобы узнать, что сталось съ тѣми четырьмя съ половиною милліонами фермеровъ, которые вслѣдствіе задолженности должны были обратиться въ батраковъ, то оказалось, что они не только не исчезли, но сильно умножились. Въ 1910 году ихъ уже было 6,260,900. Притомъ половина этого числа приходилась на фермы отъ 4-хъ до 40 десятинъ, преимущественно въ восточныхъ штатахъ, и около двухъ съ половиною милліоновъ на фермы отъ 40 до 400 десятинъ, т. е. преимущественно на фермы за-

падныхъ штатовъ, въ четверть или полъ-квадратной мили еще не успѣвшія пойти въ раздѣлъ.

III.

Чѣмъ объясняется такое положеніе дѣлъ?

Въ двухъ словахъ этого не объяснишь; а потому вы, надѣюсь, не посѣтуете, если я войду въ нѣкоторыя подробности.

Дѣло въ томъ, что съ первыхъ же дней переселенцы изъ Европы, высадившись на новомъ материкѣ, постарались создать такія условія жизни, чтобы человѣкъ могъ проявить свою самостоятельность, не встрѣчая политическихъ и религіозныхъ препятствій, мѣшавшихъ ей проявляться на родинѣ. И, благодаря этому, имъ удалось выработать въ Соединенныхъ Штатахъ классъ фермеровъ, способныхъ бороться противъ капиталистовъ и не дать имъ обратить себя поголовно въ сословіе подвластныхъ батраковъ.

Въ первые же годы послѣ освобожденія отъ Англіи, фермеры восточныхъ штатовъ начали основывать фермерскіе клубы и земледѣльческія Общества, и изъ этихъ скромныхъ начинаній понемногу развилось большое движеніе, экономическое и политическое, охватившее большую часть земледѣльческаго населенія. Сперва Общества фермеровъ ограничивались, каждое, своимъ штатомъ, и ихъ ежегодные „конгрессы“,—вѣрнѣе, съѣзды, выставки и ярмарки,—становились большимъ праздникомъ, въ родѣ русской ярмарки въ уѣздномъ городѣ, но также и съ дѣловой подкладкой съѣзда. Сюда пріѣзжали фермеры на не-

дѣлю, съ женами и взрослыми дѣтьми, и на такихъ „конгрессахъ“ выяснялись общіе интересы фермеровъ, какъ сословія, имѣющаго свою жизнь и предъявляющаго свои требованія насчетъ земельнаго кредита, защиты отъ ростовщиковъ, взаимнаго страхованія, образованія вообще, опытныхъ фермъ, предсказанія погоды и научныхъ изслѣдованій, полезныхъ для земледѣльца.

Понемногу фермеры стали, такимъ образомъ, не только полноправной частью общества, но и политической силой, и они настояли на томъ, чтобы образованіе и законодательство вообще шли на пользу, не только промышленности и развивающагося капитализма, не только для подготовленія тѣхъ, кто готовится къ службѣ въ правительствѣ, а также и на пользу тѣхъ, кто роститъ пищу для страны и заготовляетъ сырье для ея фабрикъ и заводовъ.

Уже въ восьмидесятыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка фермеры начали создавать крупныя организаціи сельскихъ хозяевъ, распространенныя на всѣ штаты, подъ названіями „Земледѣльческое колесо“, „Національный союзъ фермеровъ“, „Промышленный союзъ“ и т. п. Нѣкоторыя изъ нихъ прожили не долго и скоро распались; другія же пустили глубокіе корни и широко распространены теперь подъ общимъ именемъ People's Party, партіи народа.

Главная цѣль этой партіи—троякая: защита земледѣльцевъ отъ хищничества капиталистовъ, установленіе прямыхъ сношеній между сельскимъ производителемъ и городскимъ потребителемъ, причемъ сюда входитъ борьба съ хищничествомъ желѣзныхъ дорогъ; и, наконецъ, сельскохозяйственное образованіе, понимаемое въ широкомъ смыслѣ слова. И въ каждомъ изъ этихъ трехъ направленій они

добились такихъ результатовъ, что имъ удалось охранить себя отъ ига землевладѣльческаго феодализма.

Правда, имъ не удалось помѣшать тому, чтобы милліоны десятинъ земли попали въ руки хищниковъ: желѣзнодорожныхъ и иныхъ компаній, спекуляторовъ на землѣ и даже англійскихъ богачей-лордовъ. Но имъ удалось сохранить крупное ядро независимыхъ фермеровъ, и это ядро вырабатываетъ теперь зачатки новыхъ формъ согласованнаго, кооперативнаго производства и обмѣна.

Изъ 6,260,900 фермеровъ, оказавшихся по переписи 1910 года, двѣ-трети являются собственниками обрабатываемыхъ ими фермъ. И при этомъ главная масса вывозимыхъ изъ Соединенныхъ Штатовъ продуктовъ сельскаго хозяйства идетъ не изъ мамонтовыхъ фермъ, а именно изъ мелкихъ хозяйствъ. На это давно уже указывалъ Шефле; а теперь это вполнѣ подтверждается и правительственными отчетами. Громадный вывозъ хлѣба и скота идетъ столько же изъ маленькихъ хозяйствъ восточныхъ штатовъ, сколько изъ степей далекаго Запада. Разводъ скота и птицы, молочное хозяйство, артельное сыроваренiе,—все это процвѣтаетъ въ фермахъ даже меньше, чѣмъ въ 60 десятинъ. То же самое происходитъ теперь и въ Канадѣ.

Даже въ степныя области Соединенныхъ Штатовъ уже проникло „усиленное“ земледѣлiе, при помощи разумнаго одобренiя и четырехъ—или пяти—польнаго хозяйства. Такъ, напримѣръ, въ Штатѣ Айоуа (Iowa), гдѣ недавно еще велось хищническое хозяйство, теперь уже въ ходу травосѣянiе, и высшiя награды были даны въ 1910 году не тѣмъ, кто первый зажигалъ въ степи вороха со-

ломы послѣ молотьбы, а десяти фермамъ, получившимъ отъ 41 до 50 четвертей маиса съ десятины. Въ другомъ степномъ штатѣ, Минесота, гдѣ очень сильно развита кооперація во всѣхъ направленіяхъ, награды были даны за полученіе отъ 1,400 до 5,270 пудовъ картофеля съ десятины, въ то время какъ въ Англіи средній урожай картофеля на одной десятинѣ всего 1,200 пудовъ. А въ Канадѣ одною изъ главныхъ заботъ Манитобской опытной станціи было,—привить среди фермеровъ травосѣяніе, причемъ особенно рекомендовали rye-grass, полученный изъ Риги.

Но я вижу, что мое письмо такъ разрослось, что дальнѣйшія подробности придется отложить до слѣдующаго письма.

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что въ Соединеныхъ Штатахъ намѣчается новый типъ хозяйственнаго развитія, не подходящій подъ Англійскій типъ, и этому новому типу, безъ всякаго сомнѣнія, предстоитъ дальнѣйшее развитіе въ исторіи человѣчества; тѣмъ болѣе, что теперешняя война вполнѣ выказала его превосходство передъ тѣмъ, что Германія поставила себѣ въ образецъ.

Брайтонъ, 4 (17) февраля 1917.

Письмо седьмое. *)

I.

Дорогой мой другъ.—Въ Соединенныхъ Штатахъ, писалъ я въ послѣднемъ письмѣ, вырабатывается новый типъ обогащенія страны путемъ одновременнаго развитія, какъ обрабатывающей промышленности, такъ и земледѣлія. При такомъ развитіи, промышленная изобрѣтательность является помощницей земледѣлію; а фабрики и заводы находятъ главныхъ потребителей для своихъ товаровъ, не въ другихъ странахъ, менѣе развитыхъ въ промышленности, какъ это дѣлала Англія, не въ колоніяхъ, умышленно задерживаемыхъ на низкой степени промышленнаго развитія, а среди своего собственнаго, земледѣльческаго и промышленнаго населенія.

Конечно, всякой странѣ необходимо вывозить что-нибудь за границу, хотя бы только въ обмѣнъ на то, что она получаетъ извнѣ. Кромѣ того, чѣмъ живѣе будетъ обмѣнъ новыхъ успѣховъ въ промышленности и сельскомъ хозяйствѣ, въ наукахъ, въ искусствѣ и въ общественномъ творчествѣ, тѣмъ лучше.

Но строить благосостояніе своей страны на наживѣ

---

*) Это письмо было написано за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ въ Россіи совершилась революція, и осталось, поэтому, неотправленнымъ. Теперь оно впервые появляется въ печати.

дешевымъ трудомъ отсталыхъ сосѣдей; воображать, ссылаясь на примѣръ Англіи, что лучшіе пути къ обогащенію страны представляетъ вывозная торговля произведеніями промышленности, захватъ колоній и покореніе „отсталыхъ“ народовъ, обреченныхъ будто-бы на снабженіе пищею и сырьемъ „избранныхъ народовъ“,—съ этими идеалами Фридриха II-го, Листа и ихъ послѣдователей давно пора разстаться.

Жизнь доказываетъ несостоятельность этихъ стремленій, особенно теперь, когда они привели Германію къ безумной войнѣ. Нынѣшняя война, такъ же какъ и нѣсколько предыдущихъ войнъ, показала, что *завоеванія перестаютъ быть прибыльными*. Иначе и быть не можетъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ научныя познанія перестали быть привилегіей какого-нибудь одного государства, или сословія, войны приходится вести уже не съ невѣжественными полу-варварами, а съ равносильными противниками. А потому онѣ влекутъ за собою такія жертвы, вещественныя и духовныя, что не вознаграждаютъ нападающихъ, даже если имъ удаётся сдѣлать завоеванія. Притомъ и сами завоеванія стали непрочными.

Правда, есть еще не мало странъ, запоздавшихъ въ промышленномъ развитіи; и онѣ нуждаются въ фабричныхъ произведеніяхъ. Но число ихъ убываетъ, а число народовъ, желающихъ наживаться на ихъ счетъ, быстро растетъ. Японія, въ какіе-нибудь пятьдесятъ лѣтъ, освободилась отъ промышленной опеки европейцевъ; Индія уже начинаетъ освобождаться: она создаетъ свое хлопчато-бумажное и желѣзное производства и сейчасъ уже ссорится съ Англіею изъ-за пошлинъ, которыя хочетъ нало-

жить на англійскій бумажный товаръ. Что-же до Китая, то разъ одряхлѣвшее пекинское правительство утратило свою силу, развитіе китайскаго народа пойдетъ быстрыми шагами. Съ этимъ согласны безусловно всѣ, кто сколько-нибудь знакомъ съ Китаемъ. А между тѣмъ кандидатовъ на наживу промышленною отсталостью Китая уже насчитывается около десятка.

Вотъ почему среди народа молодого, свободнаго и полнаго жизненныхъ силъ, какъ населеніе Соединенныхъ Штатовъ и Канады, вырабатывался новый типъ развитія, гдѣ пышному расцвѣту земледѣлія отведено было почетное мѣсто; и есть полное основаніе думать, что тѣмъ же путемъ пойдутъ, не только Франція—она уже развивается въ этомъ направленіи,—но и Россія и Италія, а также и наученная горькимъ опытомъ Германія.

Объ этомъ типѣ развитія и его возможностяхъ я и хочу подробнѣе побесѣдовать съ вами.

Въ предыдущемъ письмѣ я уже говорилъ о союзахъ фермеровъ въ Соединенныхъ Штатахъ: какъ они разрастались, складывались въ политическія партіи, и какъ имъ удалось, если не вполнѣ помѣшать образованію крупной земельной собственности, то по крайней мѣрѣ ограничить ея развитіе и создать могучій классъ фермеровъ, обрабатывающихъ преимущественно *свою* землю*).

*) По провѣренной переписи 1910 года оказалось, что изъ 6,361,50 фермеровъ почти двѣ трети, т. е. 3,948,700, были собственниками обрабаваемыхъ ими земель; одна четверть снимала фермы, уплачивая собственнику часть урожая (большею частью одну треть), и только одна девятая часть (т. е. около 700,000) снимала фермы за денежную плату. При этомъ, въ перепись не входили фермы менѣе 3-хъ акровъ, т. е менѣе одной съ четвертью десятины, а ихъ очень много.

По мѣрѣ того, какъ очень большія фермы подвигались на западъ - въ степи, вновь открытыя для поселеній,—въ тылу у нихъ создавались небольшія фермы, усиленно обрабатываемыя при помощи усовершенствованныхъ орудій, улучшеннаго сѣвооборота, молочнаго хозяйства и садоводства, и получавшія вдвое больше продуктовъ съ каждой десятины, чѣмъ прежнія „мамонтовыя“ фермы.

Вслѣдствіе этого средняя величина всѣхъ фермъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, оказывается уже всего въ 59 десятинъ (147 акровъ). Даже въ западныхъ и центральныхъ штатахъ, гдѣ недавно еще процвѣтали „мамонтовыя“ фермы въ нѣсколько тысячъ и даже десятковъ тысячъ десятинъ, средняя понизилась: до двухсотъ-десяти десятинъ въ западныхъ штатахъ, и до шестидесяти-двухъ въ центральныхъ. Очень большія фермы уцѣлѣли только на побережьи Тихаго Океана.

Несмотря на такое пониженіе величины фермы, а вѣрнѣе, именно вслѣдствіе этого, цѣнность обрабатываемой въ Штатахъ земли и рабочаго инвентаря быстро возросла: ко времени переписи 1910-го года она достигла сорока милліардовъ рублей; т. е. оказалась въ четыре раза выше, чѣмъ капиталъ, положенный во всѣ промышленныя предпріятія. Число же людей, кормившихся отъ земледѣлія, составляло двѣ-пятыхъ населенія, т. е. 36 милліоновъ народа; а вырабатывали они (опять-таки не считая самыхъ мелкихъ фермъ) среднимъ числомъ немного больше девятисотъ рублей на каждаго сельскаго *рабочаго* и свыше 250-ти рублей на каждаго *жителя* изъ сельскаго населенія. *)

*) Рубль я считаю по его стоимости до войны, т. е. 2 рубля за одинъ долларъ.

Если вспомнить, въ какомъ первобытномъ видѣ было сельское хозяйство Соединенныхъ Штатовъ еще въ 1870-мъ году, нельзя не поражаться его успѣхами. Но главная черта этихъ успѣховъ состоитъ въ томъ, что добыты они, не крупными помѣщиками, а соединенными усиліями многомилліоннаго свободнаго населенія, изобрѣтателей изъ его собственной среды и среди отзывчивой промышленности и, наконецъ, энтузіастовъ-народниковъ, работавшихъ на помощь сельскому населенію.

II.

Вообще, работа фермеровъ шла въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны,—они оборонялись отъ различныхъ рыцарей наживы, а съ другой—всячески стремились усилить производительность земледѣльческаго труда.

Извѣстно, что въ урожайные годы фермеры охотно покупаютъ всякую всячину, нужное и ненужное, въ долгъ, въ надеждѣ на урожайные годы. Этимъ и пользуются агенты всевозможныхъ компаній, разъѣзжающіе по деревнямъ. Но наступаютъ неурожайные годы, и фермеры запутываются въ долгахъ, и ихъ фермы идутъ въ продажу, съ аукціона. *) Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ такая задолженность быстро распространялась среди фермеровъ, и поклонники крупнаго капитала торжествовали, пророча скорую смерть мелко-буржуазному, какъ они выражались, землевладѣнію. Тогда, противъ этой язвы об-

*) Одно время, въ восьмидесятыхъ годахъ, во Франціи и Бельгіи шло эпидемическое разореніе крестьянъ этимъ путемъ: цѣлые отряды агентовъ разъѣзжали ради этого по деревнямъ.

щества—разоренія и скупки мелкихъ хозяйствъ—фермеры, особенно Гренджеры, повели сильную кампанію, и въ концѣ концовъ они добились отъ законодательныхъ палатъ различныхъ Штатовъ и отъ парламентовъ провинцій въ Канадѣ нѣсколькихъ охранительныхъ законовъ, въ томъ числѣ такъ-называемыхъ Homestead Acts, т. е. законовъ объ усадьбахъ. *)

Въ силу этихъ законовъ, (существовавшихъ, между прочимъ, кое-гдѣ въ Европѣ со временъ норманскаго владычества), крестьянскій *дворъ* (Homestead) не можетъ быть проданъ за долги. Если ферма задолжавшаго крестьянина идетъ въ продажу съ аукціона, то усадьба, съ огородомъ при ней, надворныя строенія и небольшая часть удобренныхъ полей все таки остаются за задолжавшимъ владѣльцемъ. Ему предоставляется, такимъ образомъ, возможность подняться со временемъ. Этому остатку обычнаго права (вмѣстѣ съ сохранившимся общиннымъ владѣніемъ водорослей, употребляемыхъ для удобренія), въ значительной мѣрѣ обязанъ, между прочимъ, невѣроятнымъ своимъ благосостояніемъ островъ Джерсей.

Еще болѣе упорную борьбу пришлось фермерскимъ организаціямъ вести противъ грабительства желѣзнодо-

---

*) Канада раздѣлена на нѣсколько провинцій (около 15-ти), и каждая изъ нихъ имѣетъ свой парламентъ, вѣдающій всѣми дѣлами управленія, кромѣ войска, внѣшнихъ сношеній и ввозныхъ пошлинъ, а также общихъ федеральныхъ предпріятій, какъ напримѣръ, желѣзная дорога отъ Атлантическаго до Тихаго Океана. Убѣдительно рекомендую всѣмъ любящимъ Россію и вдумчиво относящимся къ ея будущему, серьезно познакомиться *съ федеральнымъ строемъ Канады и Соединенныхъ Штатовъ.* Россія неизбѣжно должна будетъ пойти по тому-же пути.

рожныхъ компаній. Произвольно мѣняя провозную плату, онѣ то обезцѣнивали земли въ извѣстномъ округѣ, чтобы скупать ихъ по дешевой цѣнѣ, то поднимали на нихъ цѣны. А когда стали заводиться *зернохранилища* (элеваторы), то желѣзнодорожныя компаніи, въ союзѣ съ банками, строили *свои* элеваторы и обирали фермеровъ. Въ элеваторы, какъ извѣстно, хлѣбъ ссыпается тотчасъ послѣ молотьбы; здѣсь онъ окончательно провѣивается и сортируется по достоинству. При ссыпкѣ хлѣба устанавливается на него временная цѣна,—причемъ часть должнаго фермеру выдается ему немедленно, а остальное—когда хлѣбъ будетъ проданъ владѣльцемъ элеватора.

Борьба противъ желѣзныхъ дорогъ шла такимъ образомъ въ двухъ направленіяхъ: законодательнымъ путемъ противъ самовольныхъ тарифовъ и путемъ творчества, хозяйственнаго строительства. Съ одной стороны фермера добивались постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ, чтобы сбить цѣны у старыхъ компаній; а противъ желѣзнодорожныхъ зернохранилищъ, они строили свои — кооперативныя.

Конечно, это движеніе встрѣтило много трудностей на своемъ пути—не столько денежныхъ, сколько въ недовѣріи къ своимъ силамъ въ новомъ дѣлѣ, гдѣ приходилось бороться съ такими могучими соперниками, какъ желѣзнодорожныя компаніи. Но разъ первые опыты оказались удачными, дѣло пошло быстро. Началось это движеніе въ началѣ девятисотыхъ годовъ, а въ 1909 году уже было открыто 1800 кооперативныхъ элеваторовъ съ 613,000 членовъ-основателей, съ оборотомъ въ 25 милліоновъ долларовъ; а пять лѣтъ спустя, въ одномъ Штатѣ, Мине-

сота, который вывозитъ очень много хлѣба, было 278 кооперативныхъ элеваторовъ, съ 34,500 членами и еще большимъ оборотомъ (30 милліоновъ). При этомъ, больше половины этихъ обществъ объединились въ Союзъ для снабженія своихъ членовъ разными продуктами. Конечно, это представляетъ только первый шагъ, такъ какъ элеваторы должны принадлежать *не* кооперативамъ, а стать такими же *общественными* учрежденіями, какъ школы, дороги, мосты и т. п.

Не менѣе крупныхъ результатовъ добились американскіе фермеры, чтобы распространить въ своей средѣ сельско-хозяйственное образованіе. Поговорка, „Дитя не плачетъ—мамка не разумѣетъ“ приложима въ Америкѣ, какъ и вездѣ. Но такъ какъ ни въ Канадѣ, ни въ Соединенныхъ Штатахъ народное образованіе никогда не попадало въ руки враждебныхъ образованію министровъ, то образованная часть общества всегда могла работать для распространенія образованія среди многомилліонныхъ невѣжественныхъ массъ всѣхъ націй, ежегодно выбрасываемыхъ въ Америку изъ Европы.

Во всѣхъ книгахъ и статьяхъ объ образованіи въ Соединенныхъ Штатахъ вы найдете, что въ нихъ имѣется 27 земледѣльческихъ институтовъ, и въ 63-хъ „колледжахъ“, т. е. высшихъ школахъ, и во всѣхъ университетахъ имѣются земледѣльческіе факультеты съ четырехъ-годовымъ курсомъ, гдѣ около 5000 молодыхъ людей получаютъ высшее сельско-хозяйственное образованіе и работаютъ на большихъ опытныхъ фермахъ при институтахъ и университетахъ. Вы узнаете также, какъ облегчается возможность получить образованіе для фермерскихъ сыновей

и дочерей, сельскими стипендіями, студенческими столовыми и т. п., а также и тѣмъ, что лѣтомъ молодежь зарабатываетъ себѣ на жизнь и ученье всякимъ трудомъ: ручнымъ на фермахъ, съёмками, или даже какъ прислуга въ горныхъ курортахъ и въ гостиницахъ западнаго побережья, гдѣ прислугѣ платятъ очень хорошо.

Но не въ высшемъ образованіи была главная сила. Этимъ путемъ получались хорошіе инструкторы и изслѣдователи для опытныхъ станцій. Но для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ массахъ, необходимы были болѣе упрощенныя школы, и таковыя были основаны при колледжахъ; а еще болѣе того въ деревняхъ, гдѣ самими фермерами основывались деревенскія земледѣльческія школы. Въ штатѣ Канзасъ до сихъ поръ еще уцѣлѣли кое-гдѣ первобытныя школы, сложенныя изъ дёрна, какъ крестьянскія хижины въ Ирландіи. Рядомъ съ этимъ нужно было также вліять прямо на крестьянъ, прибывавшихъ изъ Европы безъ всякаго образованія, и для этого сами фермеры, въ своихъ „грэнджерскихъ“ и другихъ обществахъ основывали опытныя станціи и назначали сельско-хозяйственныхъ инструкторовъ, распространяя образованіе; и, наконецъ, они добились созданія особаго Сельско-хозяйственнаго Департамента, посвященнаго развитію земледѣлія *подъ постояннымъ контролемъ фермерскихъ обществъ.*

III.

Подъ контролемъ этихъ обществъ Сельско-Хозяйственный Департаментъ Соединенныхъ Штатовъ остался живучимъ, практичнымъ и чрезвычайно полезнымъ, такъ что

поразительное развитіе Штатовъ за послѣдніе сорокъ пять лѣтъ многимъ ему обязано.

Орошеніе сухихъ степей въ большихъ размѣрахъ, изученіе различныхъ почвъ и времени посѣва для всякихъ хлѣбовъ въ различныхъ частяхъ громадной территоріи; помощь фермерамъ въ ихъ борьбѣ съ желѣзными дорогами и земельными банками; организація кооперативныхъ ссудныхъ кассъ, которыми такъ заняты теперь фермеры Штатовъ и Канады (Homestead Act и Farm Loan Act); улучшеніе паковки продуктовъ, особенно фруктовъ; вагоны-холодильники; улучшеніе молочнаго хозяйства и сбытъ его продуктовъ; сельская почта и устройство телефонной сѣти между разбросанными фермами; распространеніе сельско-хозяйственнаго образованія въ высшихъ и въ первоначальныхъ школахъ; опытныя станціи; и, наконецъ, развитіе метеорологической сѣти, съ предсказаніями бурь и предупрежденіями о предстоящихъ утренникахъ (они разсылаются по телеграфу во всѣ центры выращиванія фруктовъ)—во всѣхъ этихъ отрасляхъ Сельско-Хозяйственный Департаментъ проявилъ самую плодотворную дѣятельность, безъ которой земледѣліе Соединенныхъ Штатовъ никогда не достигло бы теперешняго высокаго уровня.

Имѣвши случай ближе познакомиться съ дѣятельностью опытныхъ станцій, скажу вамъ объ нихъ нѣсколько словъ.

Въ каждомъ изъ штатовъ Сѣверо-Американской Республики и въ каждой изъ провинцій Канады имѣется теперь своя опытная ферма, ведущая свои изслѣдованія надъ породами хлѣбовъ, кормовыхъ и промысловыхъ растеній, кустарныхъ растеній для изгородей, овощей и фруктовъ, наиболѣе приспособленныхъ для каждой мѣстности; и, что еще

лучше, въ каждой изъ Канадскихъ станцій, посѣщенныхъ мною, я находилъ молодого энтузіаста своего дѣла. То же самое, судя по отчетамъ станцій, можно сказать и объ опытныхъ фермахъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Кромѣ того, какъ въ Канадѣ, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, имѣется главная, Центральная опытная ферма, и отъ нея исходитъ починъ безконечно разнообразныхъ работъ и предпріятій. Чтобы перечислить ихъ, потребовались бы многія страницы.

Прежде всего укажу на *разсылку хорошихъ сѣмянъ*. Это громадная организація, оказавшая вліяніе на улучшеніе земледѣлія въ Штатахъ и въ Канадѣ. Въ деревняхъ организуются изъ фермеровъ сельскія земледѣльческія общества, и въ эти общества, зимою, пріѣзжаютъ земледѣльческіе инструкторы. Они стараются заинтересовать фермеровъ и предлагаютъ желающимъ получить изъ центральной станціи сѣмяна, — скажемъ, пшеницы, овса, кормовыхъ травъ и т. п., оказавшихся наиболѣе подходящими для данной области.

Они же устраиваютъ, осенью, поѣздку фермеровъ на ближайшую опытную станцію, гдѣ крестьяне могутъ воочію убѣдиться въ превосходствѣ такихъ-то сортовъ овса, пшеницы и т. д., и заявить свое желаніе получить такія-то сѣмяна.

Тогда станція высылаетъ фермеру сѣмяна (прежде 3 фунта, теперь 5 ф.) совершенно безплатно, съ небольшимъ печатнымъ наставленіемъ, гдѣ говорится, на какой почвѣ, съ какимъ удобреніемъ и въ какую пору лучше всего посѣять эти сѣмяна. На слѣдующій годъ эти сѣмяна дадутъ, чѣмъ засѣять столько-то земли. Такихъ мѣшочковъ съ сѣмянами разсылается каждогодно въ Ка-

надѣ десятки тысячъ, а въ Соединенныхъ Штатахъ — сотни тысячъ.

Тѣ, кто знаютъ, какъ вырождаются сѣмяна, если не обновлять ихъ, и какими жалкими сѣмянами наши крестьяне засѣваютъ свои борозды, вполнѣ повѣрятъ, что путемъ разсылки отборныхъ сѣмянъ Канадская Центральная станція въ десятокъ лѣтъ подняла урожаи въ Канадѣ *на одну треть* *).

Работы, ведущіяся на опытныхъ станціяхъ, поразительно разнообразны. Главная забота, конечно, — найти породы пшеницы, овса, кукурузы и т. д., наиболѣе соотвѣтствующія каждой части громадной территоріи. Для этого станціи выписываютъ сѣмяна отовсюду и пробуютъ новые сорта во всѣхъ климатахъ. Особое вниманіе обратили въ Америкѣ на русскіе сорта пшеницы, и когда я былъ въ Канадѣ, большія надежды полагали на забайкальскую пшеницу (гирку, если не ошибаюсь): въ степной области она давала великолѣпные урожаи. Посылая при мнѣ свои сѣмяна во Владивостокъ, начальникъ Канадскихъ станцій, д-ръ Сандерсъ, ждалъ оттуда русскихъ и китайскихъ сѣмянъ, для новыхъ опытовъ.

Въ 1899 году, въ Соединенныхъ Штатахъ особенно заинтересовались русскою пшеницею изъ Южной и Восточной Россіи, а также одной породой изъ Южной Африки, которой выращивалось уже до 2,000,000 четвертей въ Дакотѣ и Минесотѣ. Новый овесъ, выработанный въ Шведской опытной станціи Свалёфъ, оказался удивительно подходящимъ для сѣверныхъ Штатовъ; а скороспѣлый овесъ

---

*) См. Отчеты Канадской Центральной Опытной Фермы.

изъ юго-западной Россіи, поспѣвающій въ два мѣсяца, былъ введенъ въ Америкѣ въ 1906-мъ году. Особенно старались распространить въ Штатахъ русскую озимую пшеницу изъ Харьковской губерніи: „она стала у насъ, — говорится въ Отчетѣ, — почти такъ же популярна, какъ и Шведскій овесъ".

На станціяхъ не только испытываютъ разные сорта хлѣбовъ, кормовыхъ травъ и фруктовыхъ деревьевъ, но и все время работаютъ надъ созданіемъ новыхъ породъ, путемъ скрещиванія, измѣненія условій и отбора. Долгіе годы бился д-ръ Сандерсъ надъ полученіемъ новаго фруктоваго дерева, способнаго вынести майскіе морозы въ Манитобѣ и Альбертѣ (наши выселенцы-духоборы сильно страдали, въ Альбертѣ, отъ отсутствія фруктовыхъ деревьевъ). Наконецъ, онъ добился-таки новой породы, повидимому удачной, скрестивъ сибирскую черемуху съ американскою сливою; а недавно въ Америкѣ удалось получить новую яблоню, скрестивъ сибирскій дичокъ съ американскими садовыми яблонями. Точно также получены были новыя породы апельсино-лимоновъ и сливъ, а также новое хлопчато-бумажное дерево, не говоря уже объ искусственномъ разведеніи, для загородей, разныхъ сортовъ хвойныхъ, растущихъ дикими въ лѣсахъ Канады, о культурѣ дикихъ лѣкарственныхъ травъ и т. д., безъ конца.

Наконецъ, слѣдовало бы подробно остановиться на необычайномъ развитіи всякихъ Обществъ и Союзовъ для разведенія фруктовъ. Американцы любятъ фрукты, — не только ихъ вкусъ, но и ихъ красоту, — и въ послѣдніе тридцать лѣтъ разведеніе фруктовъ (и овощей) по всему побережью Атлантическаго Океана, во Флоридѣ и осо-

бенно въ Калифорніи приняло громадные размѣры. Особенно развилось оно съ тѣхъ поръ, какъ на желѣзныхъ дорогахъ были устроены скорые „фруктовые поѣзда“, съ холодильниками, для перевозки фруктовъ.

При этомъ упаковка была доведена до совершенства. Фрукты — каждый персикъ или груша на подборъ,—бываютъ уложены художественно среди тонкой цвѣтной бумаги и покрыты кисеей, и не удивительно, что они выдерживаютъ долгіе переѣзды, такъ что ими наводняютъ даже Англію. При этомъ, вездѣ создаются „Фруктовыя Общества“, соединяющіяся въ Союзы, и, такимъ образомъ, освобождающіяся отъ посредниковъ при вывозѣ.

Наконецъ, есть еще одно много обѣщающее движеніе среди фермеровъ. Въ Штатахъ они начали объединяться *въ общества для веденія сообща обработки своихъ фермъ*. Въ то время, какъ большинство соціальныхъ реформаторовъ видѣло только выгоды, представляемыя большими хозяйствами, и проповѣдывало концентрацію большихъ хозяйствъ, хотя это и вело къ уничтоженію мелкихъ фермъ и, стало быть, къ уничтоженію личнаго элемента, такъ важнаго именно въ воздѣлываніи земли,—въ это время жизнь указала другой исходъ: она выдвинула организацію общинной обработки земли, издревле практиковавшейся въ первоначальной сельской общинѣ.

Фермеры начинаютъ теперь соединяться въ общества для воздѣлыванія земли общими силами, причемъ удачи и неудачи каждаго года распредѣляются на всю общину. Они дѣлаютъ, такимъ образомъ, то же самое, что начинаетъ сильно распространяться среди кустарей во Франціи, гдѣ вы видите иногда, рядомъ, два села кустарей одного и

того же промысла. Въ одномъ изъ нихъ кустари соединились въ общество и сообща закупаютъ сырье и сообща сбываютъ свой товаръ, и вслѣдствіе этого живутъ съ достаткомъ, а другіе пребываютъ въ нищетѣ, такъ какъ врозь сбываютъ свой товаръ скупщикамъ и врозь покупаютъ сырье, и каждый кустарь прячетъ отъ другихъ усовершенствованія, до которыхъ додумался.

Каждый, кто задумывается надъ хозяйственными вопросами, съ каждымъ годомъ все болѣе властно вотающими передъ человѣчествомъ, пойметъ всю важность этого новаго шага въ земледѣліи.

IV.

Есть еще одна черта—очень поучительная. Начиная со временъ бури 2 ноября 1855 г., отъ которой сильно пострадалъ англо-французскій флотъ у береговъ Крыма, начали вводить въ Европѣ, а затѣмъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, предсказанія погоды. Въ Европѣ, организація этихъ предсказаній попадала, большею частью, въ руки, либо Морского Министерства, гдѣ усилія направлялись на предсказанія бурь, чтобы предупреждать рыбаковъ и капитановъ судовъ, собирающихся выйти въ море, или-же они велись съ чисто научной цѣлью. Въ Америкѣ, предсказанія погоды, т. е. дождей, грозъ *и морозовъ* (для предупрежденія фруктовыхъ фермъ и огородниковъ) сразу стали дѣлаться въ интересахъ земледѣлія. А потому предсказанія разсылаются по телеграфу въ деревни, и ихъ выставляютъ даже въ самыхъ малыхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ, откуда, въ случаѣ надобности, извѣщаютъ фермеровъ по телефо-

намъ. Особое значеніе пріобрѣли предсказанія внезапныхъ морозовъ для садоводовъ и огородниковъ; и когда я былъ въ Соединенныхъ Штатахъ, то главный завѣдующій предсказаніями погоды разсказывалъ мнѣ, какъ онъ получилъ свое мѣсто послѣ конкурснаго экзамена, именно за умѣнье предсказывать наступленіе морозовъ.

Во всемъ этомъ играютъ громадную роль кооперація и союзы фермеровъ. Я уже говорилъ о кооперативныхъ зернохранилищахъ. Но американскіе фермеры не остановились на этомъ. Ихъ дерзанія въ области кооперації идутъ гораздо дальше. Такъ, напримѣръ, на одномъ изъ послѣднихъ конгрессовъ фермеровъ шла рѣчь, не только о такихъ правительственныхъ мѣрахъ, какъ законодательство о трёстахъ, сохраненіе народныхъ богатствъ (лѣсовъ, водъ, судоходныхъ рѣкъ), прорытіе новыхъ внутреннихъ каналовъ и т. п., но и о *національной организаціи рынковъ и цѣнъ при помощи „Національной Кооперации“*, полезной, какъ для производителя, такъ и для потребителя.

Нечего и говорить, что число кооперативныхъ обществъ быстро растетъ съ каждымъ годомъ, и, по мнѣнію Сельско-Хозяйственнаго Департамента, несомнѣнно половина всѣхъ шести съ лишнимъ милліоновъ фермеровъ объединена въ какихъ-нибудь кооперативахъ: взаимнаго страхованія жизни и противъ пожаровъ, молочныхъ (въ связи съ ними часто устраивается и кооперативная прачешная), для упаковки и продажи фруктовъ и овощей, потребительскихъ лавокъ (въ связи съ Грэнджерскимъ движеніемъ) и т. д. Вводится также кооперативная организація кредита.

Нечего и говорить, что каждый годъ Департаментъ земледѣлія выпускаетъ десятки книжекъ и брошюръ, изла-

гающихъ результаты опытовъ и изслѣдованій, сдѣланныхъ на опытныхъ станціяхъ, и безплатно разсылаетъ сельскимъ обществамъ и отдѣльнымъ фермерамъ милліоны такихъ брошюръ. Кромѣ того, издается толстый ежегодникъ, разсылаемый безплатно въ полумилліонѣ экземпляровъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, вмѣстѣ взятыхъ, сельско-хозяйственная промышленность Соединенныхъ Штатовъ (и Канады, слѣдующей той-же системѣ) выросла въ невѣроятныхъ размѣрахъ. Обрабатывающая промышленность, конечно, тоже развилась необыкновенно быстро,— тѣмъ болѣе, что сырьё для нея производилось въ самихъ-же Штатахъ. Но объ американской промышленности совершенно вѣрно было сказано, что главная ея заслуга была въ томъ, что она создала свыше шести милліоновъ фермъ, превосходно оборудованныхъ машинами. Въ продолженіе почти полувѣка механическая изобрѣтательность Америки была направлена, главнымъ образомъ, на усовершенствованіе орудій и методовъ земледѣльческаго производства, а затѣмъ на использованіе своихъ естественныхъ богатствъ и на организацію громадной *внутренней торговли для удовлетворенія быстро растущихъ потребностей своего-же богатѣющаго сельскаго населенія.*

Любопытно, что только теперь американскіе экономисты и государственные люди Америки начинаютъ вполнѣ понимать и цѣнить по достоинству эту черту американскаго хозяйства. А между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что *Соединные Штаты представляютъ новый типъ развитія самодовлѣющаго общежитія, которому нѣтъ надобности, и даже вредно было-бы, стремиться завоевывать—какъ стре-*

мится теперь Германія—цѣлыя области, съ населеніемъ отсталымъ въ промышленности.

Въ такомъ же направленіи развивалась за послѣднія десятилѣтія Франція. Она мало вывозитъ своихъ товаровъ, и то—преимущественно тонкіе товары, требующіе болѣе развитаго вкуса и искусства. И въ такомъ-же направленіи, какъ Соединенные Штаты, надо думать, будетъ развиваться Россія, когда переживетъ теперешнія тяжелыя времена и выйдетъ изъ нихъ, свободная, болѣе объединенная и жаждущая знанія и творчества. А если такъ, то ясно, насколько развитіе въ этомъ направленіи народовъ облегчитъ развитіе такого типа, при которомъ главныя причины войнъ будутъ парализованы.

Брайтонъ. Февраль 1917.

Письмо восьмое.

I.

Дорогой мой другъ,—событія 3—5-го іюля въ Петроградѣ, отступленіе русскихъ войскъ на юго-западномъ фронтѣ передъ слабыми силами непріятеля и возстанія въ нѣкоторыхъ городахъ средней Россіи заставили задуматься всѣхъ, кому дорого будущее нашей родины и успѣхъ такъ прекрасно начавшейся русской революціи. У всякаго является рядъ вопросовъ: „Въ чемъ главныя причины этихъ грустныхъ событій? гдѣ выходъ изъ теперешнихъ осложненій"? Для всѣхъ насъ это—жизненные вопросы.

Постараюсь отвѣтить на нихъ по мѣрѣ силъ.

Со времени іюльскихъ событій идетъ много толковъ о дѣятельности нѣмецкихъ агентовъ, и многіе думаютъ, что достаточно будетъ пресѣчь эту дѣятельность строгими карательными мѣрами, чтобы положить конецъ ихъ вліянію и измѣнить духъ арміи.

Между тѣмъ причины разрухи въ арміи и общаго упадка патріотическаго духа лежатъ, на мой взглядъ, гораздо глубже. Ихъ можно раздѣлить на двѣ группы.

Въ одну группу входятъ:

1) Растущая неувѣренность въ возможность рѣшительной военной побѣды, общая усталость и деморализація арміи послѣ долгаго бездѣйствія; 2) вѣра въ какой-то таинственный Интернаціоналъ, который заключитъ миръ помимо правительствъ и по справедливости рѣшитъ судьбы народовъ; 3) темные слухи, распускаемые германцами о какихъ-то завоевательныхъ трактатахъ, заключенныхъ царскою Россіею съ Франціей и Англіею и мѣшающихъ заключенію мира, и 4) общее поклоненіе передъ германскою культурою и особенно передъ германскою соціалъ-демократическою партію, сильно развившееся въ Россіи за послѣдніе пятнадцать-двадцать лѣтъ,—поклоненіе, котораго до сихъ поръ не пошатнуло ни имперіалистское поведеніе германской соціалъ-демократіи со времени объявленія войны, ни безобразное веденіе войны нѣмцами, противорѣчащее всѣмъ понятіямъ, складывающимся въ XX вѣкѣ, а также и международнымъ договорамъ, подписаннымъ самою Германіею, съ цѣлью уменьшенія ужасовъ военныхъ столкновеній.

Вторую же группу разлагающихъ причинъ составляютъ: 1) недовѣріе рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ къ представителямъ и органамъ правительства, вытекающее изъ того, что до сихъ поръ недостаточно было принято такихъ мѣръ, которыя показали бы, что *открывается новая полоса въ отношеніяхъ труда и капитала*, или, по крайней мѣрѣ, *подготовляется* лучшій строй жизни для всѣхъ производителей народнаго богатства; 2) *недоѣданіе во всей Россіи*, полу-голодъ въ Петроградѣ, угроза голода во многихъ частяхъ Россіи; 3) разруха желѣзнодорожной сѣти; 4) недостаточность мѣръ, принятыхъ для того, чтобы *уси-*

лить производство пищевыхъ продуктовъ и вообще сырья, нужнаго для фабричнаго производства орудій труда, одежды и т. д., и 5) *недостаточность организаціи мѣстныхъ силъ*, способныхъ поддержать и усилить оборону нашей молодой республики и упорядочить ея хозяйственную жизнь, не дожидаясь, чтобы упорядоченіе пришло изъ Петрограда.

Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, ведутъ къ общему упадку духа въ странѣ и въ арміи; а потому всѣмъ, кто вѣритъ въ предстоящее русскому народу быстрое развитіе при свободныхъ, завоеванныхъ имъ учрежденіяхъ, обязательно въ данную минуту направить всѣ усилія къ тому, чтобы *поднять настроеніе въ народѣ*; *пробудить любовь къ родинѣ, особенно любовь къ обновленной Россіи, готовящейся выступить на путь соціальнаго освобожденія*; *полочь ей выбиться изъ тяжкаго и очень опаснаго положенія*.

II.

Съ цѣлью поднятія духа въ арміи и въ странѣ предполагается теперь разослать комиссаровъ, способныхъ вдохновить войска и населеніе вообще и, какъ выражался во Франціи конвентъ 1793 года, „организовать побѣду“.

Мѣра, конечно, необходимая.

Но вооружать правительство чрезвычайными правами, вводить диктатуру и возстановлять смертную казнь, какъ это предлагаютъ многіе, не только нѣтъ надобности, но это привело бы, въ случаѣ если война затянется, къ такимъ же злоупотребленіямъ и къ такимъ же массовымъ возстаніямъ и массовому взаимному истребленію, какія

пережила Франція въ 1793—94 году, въ Ліонѣ, Вандеѣ и т. д. Полновластіе развращаетъ не однихъ царей.

Гораздо лучшую опору для своей дѣятельности, чѣмъ полновластіе временнаго правительства, комиссары найдутъ, основывая сами въ городахъ и селахъ, при помощи мѣстныхъ людей, *союзы республиканцевъ*, демократовъ, готовыхъ отдать всѣ свои силы, чтобы спасти русскую республику отъ подчиненія Германской имперіи и германскому капиталу, отъ контръ-революціи и отъ гражданской войны, обыкновенно кончающейся диктатурой и реакціей.

1) *Организація народнаго продовольствія.* Усилія поднять духъ въ странѣ и въ арміи будутъ однако безплодны, если не будетъ приступлено немедленно къ упорядоченію жизни Россіи, прежде всего путемъ организаціи народнаго продовольствія.

Здѣсь безотлагательно нуженъ рядъ широко задуманныхъ мѣръ, выработанныхъ не министрами и ихъ канцеляріями въ Петроградѣ, а *людьми жизни и дѣла по всей Россіи*, для подвоза пищи въ города и для вывоза изъ городовъ въ деревни мануфактурнаго товара.

Принудительныя мѣры противъ крестьянъ, скрывающихъ хлѣбъ, и обыски не помогутъ. Сколько Конвентъ первой французской республики ни казнилъ фермеровъ,— хлѣбъ продолжали скрывать, несмотря на хорошій урожай, пока за него платили падающими въ цѣнѣ бумажками, а городъ не посылалъ деревнѣ того, что ей нужно было, въ обмѣнъ на хлѣбъ.

То же происходитъ и у насъ, и будетъ происходить, пока мы не приступимъ, хотя бы къ первымъ шагамъ въ *орга-*

низаціи обмѣна и потребленія въ интересахъ производителя и потребителя.

Этого нельзя предписать изъ Петрограда. Нужно привлеченіе мѣстныхъ общественныхъ организацій, и нужны областные съѣзды, для выработки на мѣстахъ, самою жизнью, *новой* техники, подобно той, какую выработали земскій союзъ и союзъ городовъ, привлекая къ своему дѣлу десятки тысячъ работниковъ изо всѣхъ классовъ общества, поощряя образованіе профессіональныхъ союзовъ и созидая производительные и потребительные кооперативы въ неслыханныхъ прежде размѣрахъ.

Совѣты рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ для этого недостаточны. Для построительной работы нуженъ приливъ новыхъ силъ, — обывательскихъ. Нужно творчество всенародное людей повседневной жизни, одухотворенныхъ общею цѣлью, но работающихъ у себя на мѣстѣ и объединяющихся въ областныхъ съѣздахъ. Нужно пробужденіе провинціи. А иначе, какъ крупнымъ, *самостоятельнымъ* общимъ дѣломъ ея нельзя пробудить.

Но, прежде всего, нечего заранѣе бояться, что такія организаціи и такая дѣятельность поведутъ къ соціализму. Этому, напротивъ, надо радоваться, такъ какъ онѣ облегчатъ *неизбѣжный, уже начавшійся въ Западной Европѣ со времени войны* переходъ отъ теперешняго капиталистическаго производства и распредѣленія къ общественному.

Не нужно также забывать, что русское освободительное движеніе уже со временъ декабристовъ, требовавшихъ уничтоженія крѣпостного права, и петрашевцевъ (они были фурьеристы, т. е. коммунисты), а тѣмъ болѣе въ движеніяхъ 60-хъ, 70-хъ (народники) и послѣдующихъ годовъ,

соединяло программу политическаго освобожденія съ соціальною.

Теперь же *соціальная программа поставлена на очередь во всемъ образованномъ мірѣ*, такъ какъ война заставила народы Западной Европы сдвинуться въ направленіи коммунизма и соціализма.

Вотъ почему въ Россіи слѣдовало, съ первыхъ же недѣль революціи, смѣло показать русскому народу, что новый демократическій строй, ставя себѣ цѣлью обезпечить политическія права каждаго и дать обществу возможность свободнаго творческаго строительства, вмѣстѣ съ тѣмъ намѣчаетъ уже переходъ къ новому хозяйственному укладу жизни, поскольку это возможно во время войны.

Итакъ, *организація продовольствія должна стать нашей первой заботой*, если мы хотимъ успѣшно бороться съ про-германскимъ теченіемъ мысли среди нашей интеллигенціи и съ контръ-революціей. *Разруха продовольственнаго дѣла, тотъ фактъ, что до сихъ поръ мародеры по-прежнему наживаются на народномъ бѣдствіи, и что „хвосты“, или „очереди“ продолжаютъ отнимать у работницы по четыре и по пяти часовъ въ день, составляютъ самое могучее оружіе въ рукахъ контръ-революціи и нѣмецкихъ агентовъ.* Каждый день промедленія въ этомъ дѣлѣ идетъ въ пользу монархической контръ-революціи и Гинденбурга.

2) *Усиленіе производства.* Но не въ одной организаціи распредѣленія пищевыхъ продуктовъ, а *и въ усиленіи ихъ производства* должна состоять организація продовольствія, и въ этомъ направленіи Англія, какъ я сейчасъ укажу, а также и Германія, показали, намъ какъ слѣдуетъ браться за дѣло.

3) *Квартирное дѣло.* Рядомъ съ организаціей продовольствія, столько же, если не болѣе, необходима и *организація квартирнаго дѣла.*

Всякій пойметъ, съ какими трудностями сопряжено это дѣло, особенно при недостаткѣ капиталовъ, пока продолжается война. Но надо признать, что даже въ предѣлахъ возможнаго, на него до сихъ поръ слишкомъ мало обращалось вниманія.

Что̀ сдѣлано, въ самомъ дѣлѣ, что̀ предпринято въ этомъ направленіи за послѣдніе четыре мѣсяца, чтобы дать возможность, хотя бы малой части городскихъ рабочихъ выселиться изъ трущобъ, гдѣ цѣлыя семейства живутъ по семи, восьми человѣкъ въ одной комнатѣ, а нето ютятся въ углахъ? А между тѣмъ, кому же не понятно чувство обиды, растущее въ человѣкѣ, когда послѣ рабочаго дня онъ возвращается въ свою трущобу?

Давно пора заняться этимъ дѣломъ, опять-таки при помощи особыхъ квартирныхъ организацій.

III.

Предыдущія замѣчанія назовутъ, можетъ-быть, утопичными, т. е. неосуществимыми. А между тѣмъ многое уже дѣлается теперь въ Европѣ въ указанномъ сейчасъ направленіи. Война и вызванная ею разруха во-очію доказали, что нельзя строить жизнь общества на индивидуалистическомъ, личномъ началѣ. Если нѣтъ въ жизни страны того, что связываетъ всѣхъ,—не какимъ-нибудь отвлеченнымъ понятіемъ, *а самымъ строемъ повседневной общественной жизни,*—то общество должно распасться;

или же оно станетъ добычею любого другого общества, хотя бы и отсталаго въ своемъ развитіи, какъ Германія по сравненію съ Англіей и Франціей, но тѣсно сплоченнаго рабскимъ послушаніемъ своимъ повелителямъ и желаньемъ наживиться насчетъ своихъ сосѣдей. Вотъ почему можно привести много примѣровъ полу-соціалистическихъ начинаній изъ теперешней жизни Западной Европы.

Конечно, такія начинанія не представляютъ осуществленія нашихъ идеаловъ. Ноони важны тѣмъ, что показываютъ, какъ сама жизнь, осложнившись войною, толкаетъ на путь соціализма людей, которые три года тому назадъ были ярыми индивидуалистами,—ярыми врагами всякой соціализаціи,—а теперь признаютъ, что именно въ этомъ направленіи слѣдуетъ работать.

Вотъ, напримѣръ, какъ поступаютъ городскія управленія многихъ итальянскихъ городовъ, обновленныя притокомъ свѣжихъ силъ изъ рабочихъ союзовъ, соціалистическихъ круговъ и кооперативовъ. Увидавъ, что хлѣба не хватаетъ населенію и что таксами на хлѣбъ не поможешь, городское управленіе Рима стало само закупать зерновой хлѣбъ въ большихъ размѣрахъ, передавать его мукомоламъ и снабжать мукою булочныя. Чтобы положить конецъ спекуляціямъ мукомоловъ, городъ завелъ свои мельницы, самыя усовершенствованныя, и затѣмъ открылъ городскія хлѣбопекарни,—не нѣсколько случайныхъ, какъ прежде, а столько, сколько нужно было, чтобы сразу задержать повышеніе цѣнъ на хлѣбъ,—а также открылъ нужное число распредѣлительныхъ пунктовъ.

Та-же самая закупка припасовъ дѣлается городомъ для картофеля, для молока и т. д., и въ результатѣ полу-

чается то, что, судя по отчету городской управы Рима, стоимость жизни въ Римѣ къ концу 1916 года повысилась меньше, чѣмъ на одну пятую (на 18%), тогда какъ даже въ Англіи она на 85% выше прежней. Въ Римѣ безусловно нѣтъ тѣхъ цѣнъ, какія стоятъ въ Петроградѣ, и нѣтъ безумной потери времени на стоянье въ „хвостахъ".

Такіе же шаги въ направленіи городского коммунизма дѣлаются во многихъ другихъ городахъ Италіи, гдѣ, кромѣ закупки городами припасовъ, устраиваются еще городскія столовыя, продающія пищу по себѣстоимости. Правда, и то надо сказать, что когда, передъ самой войной, лѣтомъ 1914 года, въ нѣкоторыхъ городахъ Италіи произошли возстанія, то революціонные комитеты, состоявшіе изъ мадзиніанцевъ-республиканцевъ и анархистовъ, не шли занимать для себя дворцы и дачи, *а прежде всего заботились о пищѣ, о хлѣбѣ для всѣхъ,* и смотрѣли за тѣмъ, чтобы общественное добро не расхищалось отдѣльными людьми, по личной волѣ людей или группъ.

Какъ только началось повышеніе цѣнъ, вызванное войною, большинство итальянскихъ городскихъ управленій стало принимать рѣшительныя мѣры для борьбы противъ дороговизны.

Такъ, напримѣръ, городское управленіе Бергамо, около Милана, взяло на себя снабженіе всѣхъ жителей города и отчасти ближайшихъ пригородовъ и деревушекъ) не только хлѣбомъ, топливомъ, сахаромъ, но и рыбой. Городъ скупилъ впередъ у рыбаковъ озера Изео весь ихъ уловъ и продавалъ совершенно свѣжую рыбу, приблизительно на одну-треть дешевле, чѣмъ она продавалась прежде. Такимъ образомъ, понижая спросъ на мясо, оно вмѣстѣ съ тѣмъ

побудило рыбаковъ на озерѣ Изео объединиться въ одну артель, сбывающую всю свою рыбу городу.

Во Флоренціи, муниципалитетъ, гдѣ, повидимому, преобладали теоретики-экономисты, ограничился установленіемъ таксъ на главные жизненные припасы. Но рядомъ съ этимъ, кооперативы огородниковъ въ предмѣстьяхъ города объединились съ потребительными кооперативами, и городъ открылъ свои потребительскія лавки.

Въ Миланѣ, такія же попытки перехода отъ единоличнаго хозяйства къ артельному и городскому были сдѣланы въ еще бо́льшихъ размѣрахъ и дали такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ, прекрасные результаты. И всѣ эти попытки, вмѣстѣ взятыя, повидимому, кореннымъ образомъ измѣняютъ воззрѣнія присяжныхъ экономистовъ.

Повы́шеніе цѣнъ на всѣ припасы доказало,—какъ это прекрасно излагаетъ главный редакторъ журнала Nuova Antologia, Феррарисъ *),—что въ такія времена, какъ переживаемыя нами теперь, цѣна товаровъ опредѣляется не однимъ спросомъ покупателей на товаръ и предложеніемъ товара продавцами, а гораздо болѣе — жаждою наживы продавцовъ, спекуляціею и тайнымъ соглашеніемъ между ними; а съ другой стороны—боязнью публики и ея желаніемъ запастись провизіей и вообще товарами „на чёрный день“. Съ лозунгомъ кабинетныхъ экономистовъ—„невмѣшательствомъ“—слѣдуетъ разстаться, говоритъ Феррарисъ: пора понять, что организація рыбаковъ озера Изео и огородниковъ въ сосѣдствѣ городовъ въ кооперативы,

*) Октябрьская книжка 1916 года, статья „Борьба съ дороговизной“, откуда я заимствую данныя о мѣрахъ, принятыхъ нѣкоторыми итальянскими городами.

сбывающіе свою рыбу и овощи прямо городскимъ потребителямъ, объединеннымъ въ кооперативы,—т. е. соціалистическое или, вѣрнѣе, коммунистическое рѣшеніе,—*единственное серьезное рѣшеніе продовольственнаго вопроса.*

Очень много такихъ же начинаній, чтобы снабжать города пищею, можно было бы указать въ городахъ и общинахъ Франціи, гдѣ, напримѣръ, есть случаи, что городъ беретъ на себя все снабженіе обывателей мясомъ и хлѣбомъ, устраиваетъ великолѣпный кооперативъ для розничной продажи и т. д.

Но самый поразительный примѣръ вызваннаго войною перехода отъ капиталистическаго строя жизни къ общественному, т. е. къ общественной организаціи потребленія (коммунизму) и отчасти производства (соціализму), — къ сожалѣнію, государственному,—представляетъ Англія. Конечно, переходъ этотъ только *частичный.* Онъ совершается лишь въ нѣкоторыхъ отрасляхъ жизни; но сдѣланные въ этомъ направленіи шаги для перехода отъ единоличнаго, капиталистическаго строя къ общественному (соціализованному) представляютъ несомнѣнный переломъ въ жизни страны. При этомъ опыты перестройки съ соціалистической окраской, сдѣланные за послѣдніе два или три года, оказались такъ удачны, что всякіе толки экономистовъ о невозможности коммунизма и соціализма отпадаютъ, какъ старческій лепетъ одряхлѣвшихъ затворниковъ.

Я подробнѣе поговорю объ этихъ опытахъ въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же укажу только на то, что съ начала войны все желѣзнодорожное хозяйство Англіи перешло изъ рукъ частныхъ компаній въ руки правительства, дѣйствующаго

какъ довѣренный, завѣдующій *народною* собственностью, несмотря на то, что желѣзныя дороги остаются въ Англіи частною собственностью.

То же самое—для угольныхъ копей. Онѣ тоже не выкуплены государствомъ у владѣльцевъ; но государство распоряжается ими, какъ общественною собственностью, регулируя заработную плату и поддерживая, вотъ уже третій годъ, продажную цѣну угля на одномъ уровнѣ.

То же самое сдѣлано съ громаднымъ количествомъ большихъ заводовъ и кустарныхъ мастерскихъ (всего свыше 4,000), работающихъ на выдѣлку оружія, снарядовъ и т. п. Часть изъ нихъ взята въ казну; въ заводахъ же, оставшихся собственностью владѣльцевъ, правительств оберетъ въ казну *60 и 80% всего избытка доходовъ* противъ того, что они были до войны. Оно-же назначаетъ, съ согласія рабочихъ союзовъ, заработную плату рабочимъ и работницамъ, опредѣляетъ минимальную заработную плату, ниже которой никто не долженъ работать (то же введено и въ земледѣліи), и во всемъ контролируетъ производство, въ согласіи съ рабочими союзами. Теперь рѣчь поднята и о совмѣстномъ завѣдываніи фабриками хозяевъ и *рабочихъ*.

Словомъ, *общественное* завѣдываніе крупными отраслями производства идетъ во-всю; это пугало капиталистовъ, заставлявшее ихъ дрожать при мысли о соціальной революціи, оказывается, не только не заставило погибнуть заводы и фабрики, а упорядочило ихъ производство. Правда, что контроль *государства* далеко не тотъ прямой контроль *общества*, котораго мы желаемъ. Но главный шагъ сдѣланъ: личный контроль, въ видахъ личнаго обогащенія, отживаетъ свой вѣкъ.

Сдѣланными за эти два года опытами вполнѣ доказано, что для страны выгоднѣе, чтобы производство контролировалось общественною пользою, чѣмъ личными интересами владѣльцевъ. Главное положеніе соціализма, такимъ образомъ, подтверждено опытомъ.

Еще крупнѣе шаги, сдѣланные въ Англіи въ сторону коммунизма, т. е. общественной организаціи *потребленія*. Но объ этихъ начинаніяхъ я поговорю въ слѣдующемъ письмѣ.

Петроградъ, 19 іюля 1917.

Письмо девятое.

Дорогой мой другъ. Въ предыдущемъ письмѣ я разсказывалъ о нѣкоторыхъ начинаніяхъ въ Англіи для обобществленія *производства*. Теперь я хочу разсказать вамъ о нѣкоторыхъ полу-коммуническихъ начинаніяхъ, тоже въ Англіи, для обобществленія *потребленія*.

Здѣсь очень многое нужно было бы сказать. Скажу только, что весь хлѣбъ, потребный для жизни Англіи, весь сахаръ и, наконецъ, все мясо, ввозимое въ Англію, (для англійской и французской арміи, для англійскаго народа и отчасти для населенія Франціи), закупаются англійскимъ правительствомъ и продаются затѣмъ оптовымъ и розничнымъ торговцамъ, а также кооперативамъ, съ тѣмъ, чтобы они не надбавляли на заплаченную ими цѣну больше пяти процентовъ въ оптовой продажѣ и еще пяти процентовъ въ розничной. Если какой-нибудь лавочникъ нарушаетъ этотъ уговоръ, его не тащутъ въ судъ, но къ нему является мѣстный комиссаръ и увѣдомляетъ, что государство больше не продастъ ему сахара, мяса и т. п.

Мало того. Закупки зернового хлѣба въ Индіи, Австраліи и Канадѣ принимаютъ международный характеръ; онѣ дѣлаются по взаимному соглашенію между Англіей, Франціей и Италіей, причемъ вводится одна оговорка, которую старались ввести уже лѣвые якобинцы 1794 года: „Только

избытокъ, сверхъ того, что нужно населенію, можетъ быть предметомъ торговли".

Замѣчу еще одно: въ Англіи во всѣхъ такихъ закупкахъ народнаго продовольствія пользуются, не только опытными закупщиками большихъ торговыхъ домовъ и оптовыхъ кооперативовъ, но и самими оптовыми торговцами. Ихъ обезвреживаютъ, лишая ихъ монопольной наживы, но пользуются ихъ опытностью, за опредѣленное жалованье.

Одновременно съ этимъ, особенно въ прошломъ году, принятъ былъ рядъ мѣръ для *усиленнаю производства* всего, что даетъ земледѣліе.

Объѣздивъ передъ отъѣздомъ изъ Англіи нѣкоторыя окрестности Брайтона, я былъ пораженъ количествомъ земли, прежде остававшейся необработанной, а теперь занятой посѣвами, или же огородами (преимущественно подъ картофель).

Дѣло въ томъ, что какъ только началась въ прошломъ февралѣ усиленная война подводныхъ лодокъ противъ кораблей, везущихъ припасы въ Англію, сейчасъ же была начата въ печати и по деревнямъ серьезная агитація. Съ одной стороны земства, спеціальные лекторы, комиссары правительства и печать убѣждали крупныхъ землевладѣльцевъ и фермеровъ увеличить свои посѣвы яровыхъ; а съ другой стороны, они побуждали городскія и сельскія управы снимать землю вокругъ городовъ и въ деревняхъ, и сдавать ее жителямъ подъ огороды по самымъ сходнымъ цѣнамъ. При этомъ, сдавая мелкіе участки, уѣздныя земства и городскія управы сами вспахивали землю, раньше чѣмъ разбить ее на участки, раздавали сѣмена для посѣвовъ и

картофель для посадки и приглашали уѣздныхъ инструкторовъ, чтобы помогать многочисленнымъ новичкамъ-огородникамъ.

Для усиленія полевыхъ посѣвовъ были приняты двоякія мѣры: съ одной стороны, крупныхъ землевладѣльцевъ, а также фермеровъ принуждали вспахивать и засѣвать земли, подъ угрозой отчужденія земли государствомъ, причемъ правительство постановило, что покупаетъ на нѣсколько лѣтъ впередъ во всей Англіи и Шотландіи весь урожай по хорошей цѣнѣ (хотя и ниже теперешнихъ цѣнъ). Когда же фермеръ, или помѣщикъ, отговаривался тѣмъ, что у него нѣтъ рабочихъ для пахоты, правительство само бралось немедленно вспахать землю подъ яровые, по сходной цѣнѣ. И тутъ зародилось нѣчто новое, — великое, по моему мнѣнію, своими послѣдствіями.

Правительство (со временемъ это будутъ дѣлать сельскія общества) пускало въ ходъ новые плуги, „тракторы“, движимые моторами, и пахота становилась дѣломъ посильнымъ для каждаго,—для женщинъ, какъ и для мужчинъ. *Всю прошлую весну такая пахота шла, во многихъ мѣстахъ, день и ночь, при свѣтѣ электричества,*—и теперь ждутъ урожая яровыхъ гораздо большаго, чѣмъ обыкновенно.

Я знаю, какъ неизмѣримо трудно всякое такое начинаніе въ Россіи, гдѣ только теперь вводятъ мелкую земскую единицу, а раньше революціи, мѣстное самоуправленіе считалось царской властью такимъ же опаснымъ, какъ крамола. Я знаю, какое множество другихъ препятствій встрѣчаетъ всякое новое дѣло въ Россіи. Но я увѣренъ, что подобныя же мѣры *общественной обработки* для уве-

личенія запашки необходимо принять у насъ, такъ какъ иначе борьба съ продовольственною разрухою и голодомъ въ деревняхъ средней Россіи останется безуспѣшной.

Безусловно обязательно сейчасъ же, при помощи мѣстныхъ силъ, подготовить рядъ рѣшительныхъ мѣръ для осенней пахоты *).

Понятно, что такія мѣры, будучи необходимы для продолженія войны, вмѣстѣ съ тѣмъ подрываютъ въ Англіи понятіе объ единоличномъ правѣ на землю и подготовляютъ въ умахъ понятіе о землѣ, какъ о достояніи всего народа.

II.

Что касается до *квартирнаго дѣла*, то въ этомъ направленіи уже разрабатывается въ Англіи много проектовъ, осуществленіе которыхъ начнется, какъ только потребуется немедленно найти работу для нѣсколькихъ милліоновъ распущенныхъ изъ арміи солдатъ. Въ Брайтонѣ уже куплено городомъ около 600 десятинъ земли, на которыхъ предполагается начать постройку города-сада; и подобные планы работъ разрабатываются уже въ другихъ большихъ городахъ.

Изъ осуществленныхъ уже проектовъ соціализаціи можно указать на новый городъ, Victory City (городъ побѣды), выстроенный правительствомъ по мысли организаторовъ выдѣлки снарядовъ. Городъ выстроенъ на 10,000 рабочихъ, т. е. примѣрно на сорокъ тысячъ жителей. Въ немъ сдаются

*) Это писалось въ іюлѣ 1917 года. Теперь, то же самое вѣрно относительно пахоты для яровыхъ посѣвовъ. Медлить, ждать у моря погоды—просто преступно.

по себѣстоимости уютные домики въ пять комнатъ со всѣми современными удобствами, — газомъ, проведенной водой, ванной и съ маленькимъ дворикомъ — за шесть шиллинговъ въ недѣлю (три рубля по старому курсу); домики же въ семь комнатъ — по девяти шиллинговъ (4 р. 50 к.) въ недѣлю.

Въ этомъ же городѣ выстроены четыре церкви, четыре залы для собраній и устроено 42 ресторана, гдѣ все нужное для пищи доставляется правительствомъ, и пища продается по себѣстоимости.

Здѣсь мы имѣемъ уже серьезный зачатокъ коммунистическаго города, организованнаго *въ смыслѣ потребленія* по мысли французскихъ коммунистовъ сороковыхъ годовъ. Въ немъ ничего нѣтъ утопическаго. Онъ даетъ хорошее, удобное жилье рабочимъ, которые теперь по доброй своей волѣ работаютъ безъ отдыха и часто безъ всякихъ праздниковъ, для спѣшной выдѣлки снарядовъ. А съ другой стороны онъ является урокомъ коммунизма, какъ для буржуа, утверждающихъ „невозможность коммунистическихъ мечтаній“, такъ и для рабочихъ, слишкомъ легкомысленно вѣрящихъ такимъ, якобы ученымъ, но на дѣлѣ голословнымъ утвержденіямъ.

Не мѣшаетъ замѣтить также, что война не помѣшала приступить къ такому опыту. Напротивъ того,—она сдѣлала его необходимымъ *).

---

*) Мнѣ замѣтятъ, можетъ быть, что такъ какъ правительство, выстроившее этотъ городокъ, вѣроятно, занимало деньги на постройку у капиталистовъ, то рабочіе, живущіе здѣсь, все-таки платятъ нѣкоторую дань капиталисту. Но, такъ какъ англійскому правительству охотно ссужаютъ деньги изъ трехъ, даже двухъ съ половиною процентовъ, то

III.

Возвращаясь теперь къ тому, что я назвалъ *первою* группою причинъ разрухи, мы должны признать, что главнымъ условіемъ успѣшной борьбы съ этими причинами должна быть смѣлая борьба съ пораженчествомъ и циммервальдизмомъ, гдѣ бы они ни встрѣчались и чѣмъ бы ни прикрывались.

Пораженчество проникло въ русскую жизнь гораздо раньше и утвердилось въ ней гораздо глубже, чѣмъ это думаютъ. Если бы оно держалось только нѣмецкими деньгами, то и тогда оно представляло бы очень большую опасность, такъ какъ германскій генеральный штабъ организовалъ свою разлагающую пропаганду въ Россіи въ такихъ-же большихъ размѣрахъ, какъ и всѣ свои военныя приготовленія.

Но пораженчество держится не одной нѣмецкой пропагандой. Отрицательное отношеніе къ военной защитѣ государства проявлялось у насъ уже во время японской войны. Его корни лежатъ уже въ девяностыхъ годахъ XIX вѣка, въ эпохѣ тогдашняго упадка мысли; а въ послѣднее десятилѣтіе ему помогалъ цѣлый рядъ причинъ, въ особенности вѣра въ подготовленность Германіи къ революціи, поддерживавшаяся и въ Западной Европѣ ловкою нѣмецкою пропагандою.

Вслѣдствіе этого, болѣе или менѣе открытое пораже-

дань не велика. А съ развитіемъ рабочихъ *и такая дань исчезнетъ*, такъ какъ въ такихъ займахъ, подъ полезныя и вѣрныя предпріятія, не деньги ссужаются, а только оказывается кредитъ, т. е., по-русски, довѣріе—вѣра въ разумность предпріятія.

чество сказывалось даже у тѣхъ, кто теперь начинаетъ понимать всю его опасность *для освободительнаго движенія въ Россіи*. Вообще русскіе соціалисты, большею частью получившіе толчокъ къ своему соціалистическому развитію изъ Германіи, слишкомъ легко мирились съ отсутствіемъ революціонной мысли среди германскихъ соціалъ-демократовъ и слишкомъ легко отнеслись къ тому, что организованная часть германскаго пролетаріата, даже въ соціалъ-демократической партіи, пошла — за немногими исключеніями,—за своимъ императоромъ и военною партіею. Вообще, въ Россіи слишкомъ мало обращали вниманія на то, что даже пролетаріатъ обольщался въ Германіи мыслью, что завоеванія въ Африкѣ, въ Азіи и даже въ Европѣ „необходимы" для германской промышленности („какъ они были нужны Англіи"), чтобы достигнуть („какъ Англія") высшаго развитія капитализма; послѣ чего, говорили нѣмецкіе теоретики, начнется поворотъ къ соціализму. И, увы, имъ вѣрили.

Это ученіе проповѣдывалось въ Германіи въ школѣ и университетахъ. Оно проникало и въ умы германскаго пролетаріата и въѣлось въ Россіи такъ глубоко, что многіе руководители русской соціалистической мысли даже до сихъ поръ не понимаютъ опасности, грозящей всему развитію Россіи въ случаѣ побѣды Германіи.

Вотъ съ этимъ теченіемъ мысли,—выросшимъ отчасти на почвѣ поклоненія передъ Германіей со времени ея побѣды надъ Франціей въ 1871 году, и отчасти вслѣдствіе общаго пренебреженія къ ознакомленію съ политической исторіей Европы въ XIX вѣкѣ,—съ этимъ теченіемъ и

приходится бороться теперь тѣмъ, кому дорого будущее Россіи и всей европейской цивилизаціи.

Обнаруженное недавно участіе германскаго генеральнаго штаба въ пропагандѣ пораженчества, конечно, заставить многихъ очнуться. Но вѣру въ готовность германской соціалъ-демократіи стать во главѣ соціалистической революціи такъ долго поддерживали въ Россіи, что ее не такъ легко искоренить.

IV.

Въ настоящее время пораженцы усердно распускаютъ инсинуаціи насчетъ тайныхъ завоевательныхъ трактатовъ, заключенныхъ союзниками, выставляя эти договоры причиною продолженія войны. Такія инсинуаціи, слѣдуетъ опровергнуть безъ замедленія. Люди, вполнѣ освѣдомленные, видѣвшіе всѣ эти трактаты, утверждаютъ, что между Россіей и Франціей *не было заключено никакого договора ради завоеванія германскихъ провинцій на лѣвомъ берегу Рейна* *); причемъ ясно, что возсоединеніе Эльзаса и

*) Сообщеніе прессѣ, сдѣланное германскимъ канцлеромъ Михаэлисомъ 15-го (28-го) іюля и изложенное въ русскихъ газетахъ 18-го іюля, утверждаетъ, что въ договорѣ между Франціей и Россіей, обсуждавшемся въ декабрѣ 1916 г., выражено было желаніе Франціи вернуться „къ границамъ 1790 года“,—другими словами, вернуть „потерянное во время революціонныхъ войнъ и войны 1871 года“; но въ чемъ состояли бы территоріальныя пріобрѣтенія на лѣвомъ берегу Рейна, помимо Эльзаса и Лотарингіи, *Михаэлисъ не говоритъ*. Такимъ образомъ, Эльзасъ и Лотарингія становятся въ его сообщеніи дѣломъ второстепеннымъ! Мы привыкли къ іезуитству выступленій нѣмецкихъ дипломатовъ изъ школы Бисмарка. Но виртуозностью іезуитизма Михаэлисъ положительно превзошелъ своихъ предшественниковъ.

Лотарингіи съ Франціей не можетъ считаться завоеваніемъ*). Такъ и слѣдовало бы заявить оффиціально.

Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ дѣломъ, знаетъ, что присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи въ 1871 году было сдѣлано вовсе не потому, чтобы населеніе стремилось объединиться съ Германіей, а *противъ* воли тогдашняго населенія этихъ областей. И оно имѣло цѣлью ничто иное, какъ желаніе германской имперіи отнять у Франціи богатую промышленную область Эльзаса и богатыя желѣзныя руды Лотарингіи; а главное—желаніе *приблизиться къ Парижу* и, обративъ Мецъ въ укрѣпленный лагерь для нападенія, держать Парижъ и всю Францію подъ угрозой внезапнаго вторженія. Обезсилить Францію, „этотъ очагъ революцій", какъ выражался Бисмаркъ, было опредѣленною цѣлью Германіи.

Возсоединеніе Эльзаса и Лотарингіи съ Франціей было бы, такимъ образомъ, *не завоеваніе, а уничтоженіе недавняго завоеванія,* задерживавшаго въ теченіе 40 лѣтъ все развитіе Франціи монархическою Европою, именно *изъ страха революціоннаго вліянія Франціи на Европу и какъ отмщенія королей и русскаго царя за казнь Людвика XVI и за поддержку, оказанную Франціею въ 1859 и 1860 гг. итальянской революціи.* Это хорошо знаютъ всѣ, кто знакомъ съ исторіей дипломатіи Европы въ эти годы; но,—увы,—въ Россіи изученіе современной исторіи, запрещавшееся правительствомъ, осталось въ полномъ пренебреженіи, даже у революціонеровъ, и особенно у соціалистовъ.

*) Кромѣ кореннаго населенія, въ Эльзасѣ и особенно въ Лотарингіи *теперь* есть значительное германское населеніе, изъ людей, переселенныхъ сюда германскимъ правительствомъ.

Что же касается до договоровъ между союзниками, касающихся Константинополя, проливовъ, Балканскаго полуострова, Сиріи и вообще Малой Азіи, то ясно, что не они поддерживаютъ войну, такъ какъ они отпадаютъ уже въ силу самаго исхода войны,—точно также, какъ отпадаютъ договоры между Австріей и Германіей относительно дѣлежа между ними Бельгіи, Франціи, Польши, Литвы, балтійскихъ губерній, и т. д., а также относительно дѣлежа предполагавшихся многомилліардныхъ контрибуцій.

Всѣ эти разговоры объ имперіалистскихъ планахъ союзниковъ, изъ-за которыхъ продолжается якобы война, причемъ іезуитски умалчиваются *завоевательныя* вожделѣнія Германіи,—всѣ эти разговоры, очевидно, поддерживаются съ опредѣленною цѣлью,—разслабить арміи противниковъ Германіи. Пріемъ—старый, всегда употреблявшійся во время затяжныхъ войнъ, доведенный Германіей до совершенства и разсчитанный на невѣжество народныхъ массъ. Только *дружный* отпоръ съ нашей стороны,—*отпоръ всѣхъ партій сообща*,—можетъ положить конецъ растлѣвающей пропагандѣ пораженчества, прикрытаго знаменемъ революціоннаго соціализма и Международнаго Союза Рабочихъ.

На зарѣ своей революціи, Россіи приходится пережить тяжелое испытаніе. Германское нашествіе, тщательно обдуманное и годами подготовленное, послѣ трехлѣтней войны, ранено на-смерть; но оно еще не отражено и даже еще не прекращено.

Остановленное съ самаго начала войны въ 80-ти верстахъ отъ Парижа, а потомъ передъ Ригой на пути въ Петроградъ, и въ Галиціи на пути къ Кіеву, оно не

достигло своихъ цѣлей. Правители Германіи и Австріи знаютъ это, и они чувствуютъ, что, какъ ни привыкли нѣмцы и австрійцы къ повиновенію, тѣмъ не менѣе династіямъ Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ грозитъ та же участь, что постигла Гольштейнъ-Готорпскую династію, такъ-называемыхъ Романовыхъ.

Ясно, что правители центральныхъ имперій и вся громаднѣйшая клика военныхъ и гражданскихъ чиновъ, толпящихся вокругъ троновъ, должны употребить теперь невѣроятныя усилія, чтобы спасти троны. Они и пытаются это сдѣлать.

Но смертельно раненый звѣрь опаснѣе нераненаго. Онъ способенъ на самыя отчаянныя нападенія. И вотъ Германія, искусно использовавъ невѣжество народныхъ массъ въ Россіи и прогерманскія симпатіи ея правителей и, къ сожалѣнію, не однихъ правителей, подготовила прорывы на пути въ Кіевъ и на пути въ Петроградъ. Южный прорывъ удался, и въ Германіи надѣются, что сѣверный прорывъ тоже удастся.

Со времени прорыва раненый гогенцоллернскій звѣрь опять увидалъ надежду на спасеніе. И онъ ждетъ поддержки въ Россіи съ двухъ сторонъ: отъ русской контръ-революціи и,—стыдно сказать это,—отъ той части русскихъ революціонеровъ, которые,—одни сознательно, а другіе по неспособности разобраться въ вопросахъ, выдвинутыхъ теперешней войной,—слѣпо работаютъ на пользу германскаго имперіализма, а черезъ него на поддержку императорской власти Гогенцоллерновъ, Габсбурговъ и Гольштейнъ-Готорпскихъ Романовыхъ. Большинство такъ и не понимаетъ всего ужаса своей работы!

Гдѣ же спасеніе?

Оно лежитъ въ двухъ направленіяхъ. Революціонеры должны, наконецъ, понять, что, призывая народъ къ революціи и въ то же время совѣтуя народу *не* давать дружнаго, смѣлаго отпора нѣмецкому нашествію, они одной рукой разрушаютъ то, что пытаются сдѣлать другой рукою.

Имущіе же классы должны понять, что образованные народы уже вступаютъ въ новую, неизбѣжную полосу развитія,—полосу *общественнаго* народнаго хозяйства, т.-е. соціализма. И вмѣсто того, чтобы ворчать по угламъ, или вступать въ заговоры съ разными темными силами, съ цѣлью помѣшать неизбѣжному, лучшіе люди изъ этого класса должны были бы приложить свои знанія и энергію къ тому, чтобы облегчить переходъ отъ теперешняго строя къ общественному.

Они *обязаны* помочь народу въ организаціи новой нарождающейся жизни. Такъ дѣлали у насъ въ теченіе всего XIX вѣка лучшіе люди изъ привилегированныхъ классовъ, становясь піонерами освободительныхъ движеній. Тѣмъ болѣе, въ виду грозящихъ Россіи опасностей должны были-бы такъ поступить теперь лучшіе образованные люди Россіи, безъ различія партій и состояній. Иначе логика событій свалитъ ихъ въ одну кучу съ измѣнниками.

Петроградъ, 19-го іюля 1917.

Письмо десятое.

Дорогой мой другъ,—Что всѣ воюющіе народы хотятъ мира,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Во всѣхъ народахъ Европы чувствуется истощеніе силъ послѣ трехлѣтняго напряженія, и это истощеніе сознаётся въ Германіи такъ же, какъ и во Франціи; въ Австріи столько же, сколько и въ Россіи.

Но для заключенія мира требуется соглашеніе *двухъ* сторонъ. Одной мало. Между тѣмъ, въ Германіи почти во всѣхъ слояхъ народа такъ сильна еще вѣра въ возможность удержать за Германскою имперіею всѣ области, захваченныя ея войсками, и германскій народъ такъ увѣрили, что онъ разбогатѣетъ отъ этихъ завоеваній, что громадное большинство германскаго народа не проявило до сихъ поръ никакого желанія сдѣлать нужные шаги, чтобы предложить союзникамъ пріемлемыя для нихъ условія мира. Честный отказъ отъ сдѣланныхъ въ теченіе войны захватовъ на западѣ и на востокѣ до сихъ поръ считается въ Германіи немыслимымъ, чуть не позорнымъ.

Напротивъ того, по мѣрѣ того какъ растетъ разруха въ русской арміи и въ Россіи вообще, требованія германскаго правительства, а съ нимъ и большинства представителей народа растутъ непомѣрно. Въ этомъ отношеніи представители германскихъ рабочихъ не составляютъ исключенія.

Спросите любого освѣдомленнаго и вдумчиваго русскаго соціалъ-демократа, отчего его партія не попросила до сего времени германскую соціалъ-демократическую партію (ея большинство, представленное въ рейхстагѣ 92-мя членами), а также три милліона рабочихъ, организованныхъ въ синдикаты, прислать намъ *ихъ* условія мира. И вамъ, несомнѣнно, отвѣтятъ: „Мы думали объ этомъ; но едва ли это желательно".

Почему? Потому что условія мира, которыя предложатъ нѣмецкая соціалъ-демократія и нѣмецкіе рабочіе синдикаты, произведутъ скверное впечатлѣніе; *они обнаружатъ завоевательныя стремленія германцевъ, даже среди ихъ передовыхъ партій.* Требованія же національ-либераловъ, а тѣмъ болѣе правыхъ партій, идутъ еще дальше. Въ этихъ партіяхъ еще живутъ всѣ завѣты Бисмарка, Трейчке, Бернгарди и фонъ-Бюлова.

Мыслящіе люди среди германцевъ, конечно, понимаютъ, что *удержать* за собой области, захваченныя арміями, образцово-подготовленными для внезапнаго нападенія, невозможно, не затянувъ войны еще на два-три года, или больше. А этого Германія не выдержитъ. Но, видя слабость Россіи, видя нашу внутреннюю разруху и неспособность русскихъ армій оказать серьезное сопротивленіе, большинство нѣмцевъ вѣритъ своему правительству и Гинденбургу въ томъ, что они *до наступленія зимы* заставятъ русское правительство подчиниться ихъ требованіямъ и заключить миръ на самыхъ ужасныхъ для Россіи условіяхъ. Для этого нѣмцамъ достаточно будетъ,—говорятъ они,—начать наступленіе на Петроградъ и Одессу.

И съ каждымъ „отходомъ“ русскихъ войскъ передъ слабыми нѣмецкими силами *требованія Германіи растутъ*.

Если случится еще одинъ такой отходъ, какъ въ Тарнополѣ или Ригѣ,—отъ насъ потребуютъ не только Польшу, Литву и Курляндію, но и все побережье Финскаго залива и всю Бессарабію. Германцы потребуютъ отъ насъ того, чему ихъ пресерьезно учили сорокъ лѣтъ въ университетахъ и гимназіяхъ, т. е. чтобы русскіе „азіаты“ удалились на востокъ отъ Москвы.

Чѣмъ податливѣе оказываются наши арміи, тѣмъ тяжелѣе и свирѣпѣе оказываются требованія германцевъ отъ насъ и отъ нашихъ союзниковъ. Иначе и быть не можетъ.

II.

Чего слѣдуетъ ожидать отъ нѣмецкихъ армій, если онѣ дойдутъ до Петрограда,—совершенно ясно изъ того, что онѣ дѣлали въ Бельгіи и Польшѣ.

Во-первыхъ, нѣмцы, конечно, не займутъ Петрограда, *не обезпечивъ себѣ продовольствія изъ внутреннихъ губерній Россіи*.

А ради этого они, идя на Петроградъ соединенными усиліями арміи и громаднаго флота, очевидно, постараются въ то же время продвинуться по линіи Псковъ—Бологое—Рыбинскъ, чтобы проложить себѣ путь къ верхней Волгѣ и центральнымъ русскимъ губерніямъ. Одновременно съ этимъ они неизбѣжно постараются связать свои завоеванія на сѣверѣ съ южно-русскими желѣзными дорогами.

Во-вторыхъ, завоевывая русскія области, они будутъ дѣлать въ нихъ, для предотвращенія попытки народнаго

возстанія, совершенно то же, что дѣлали въ Бельгіи. Со времени войны 1870—1871 года германскія арміи боятся всенароднаго возстанія хуже чумы; а потому, занимая города и деревни, они строго прикажутъ офицерамъ, какъ это было сдѣлано въ Бельгіи, при первомъ же выстрѣлѣ, раздавшемся изъ народа, при первомъ крикѣ: Man hat geschossen! („Въ насъ стрѣляли!“) разстрѣливать мужчинъ, пачками человѣкъ по ста, а женщинъ—заставлять рыть на улицахъ могилы и закапывать въ нихъ жертвы паническаго страха, охватывающаго нѣмецкія войска при одномъ намекѣ на народное возстаніе.

Такъ дѣлали они съ первыхъ же дней войны въ Малинѣ, Эршотѣ и т. д., въ Бельгіи, и такъ будутъ они поступать въ русскихъ городахъ, строго исполняя правила, изложенныя въ наказахъ и руководствахъ ихъ генеральнаго штаба.

Затѣмъ, слѣдуя той же политикѣ, какой они слѣдовали въ Бельгіи, нѣмцы будутъ выбирать изъ рабочаго населенія наиболѣе крѣпкихъ и здоровыхъ и отсылать ихъ въ рабство въ тѣ области, которыя они рѣшатъ оставить за собою,—Лифляндію, Курляндію, Литву,—или въ Пруссію. Тамъ ихъ заставятъ работать на войну, противъ своихъ же русскихъ братьевъ. Десятки тысячъ человѣкъ, старыхъ и молодыхъ, юношей и дѣвушекъ, были увезены такимъ образомъ изъ Бельгіи въ подлинное рабство въ Германію, точь-въ-точь какъ дѣлали римляне, покоряя галловъ. Ничто не помѣшаетъ нѣмцамъ поступать такъ же съ русскими; причемъ не мѣшаетъ также помнить, что нѣмцы всегда дѣлали различіе между областями, которыя они надѣялись удержать за собой, и тѣми, изъ которыхъ они могли

быть вынуждены отступить. Съ этими послѣдними они обращались просто звѣрски.

Обо всемъ этомъ, конечно, умалчиваютъ наши циммервальдисты и ихъ друзья. Но все это засвидѣтельствовано сотнями тщательно провѣренныхъ и абсолютно достовѣрныхъ показаній, фотографій со звѣрскихъ приказовъ германскихъ генераловъ и т. п.; все это провѣрено комиссіями, заслуживающими полнаго довѣрія.

Затѣмъ нѣмецкія арміи, кормясь на счетъ завоеванныхъ областей, будутъ посылать отряды войскъ, отбирать по деревнямъ всѣ съѣстные припасы и попросту грабить населеніе.

Изъ отчетовъ цѣлаго ряда международныхъ коммиссій извѣстно, какъ нѣмцы, вотъ уже три года, грабятъ Бельгію. Я говорю не о томъ, что какой-нибудь генералъ или „комендантъ" грабилъ частные дома,—это встрѣчается во всѣхъ войнахъ: я говорю о формальномъ, сверху утвержденномъ и узаконенномъ рейхстагомъ грабежѣ цѣлой страны. Стоитъ только вспомнить, какія шальныя милліонныя контрибуціи взыскивали германскія арміи съ бельгійскихъ городовъ и какія взысканія натурою,—въ десятки тысячъ бутылокъ вина и сотни тысячъ папиросъ,—они налагали на небольшіе городки,—все это вопреки постановленіямъ международнаго права и конвенціямъ, подписаннымъ всего за нѣсколько лѣтъ до войны представителями самой Германіи на международныхъ конференціяхъ.

Мало того. Германія отобрала у жителей Бельгіи безусловно всю мѣдь, т. е. всю ихъ мѣдную посуду, нерѣдко составлявшую все, что было цѣннаго у рабочей или крестьянской семьи; мѣдныя скобки у дверей, телефонныя

проволоки, *мѣдныя части машинъ* и т. д. Также отобраны были все олово и никель.

Послѣ этого стали отбирать всѣ волокнистыя вещества,—ленъ, пеньку, хлопчатую бумагу,—шелкъ, непромокаемыя ткани, одѣяла, мѣшки, линолеумъ, скатерти, нитки, даже матрацы и подушки. Наконецъ, нѣмцы составили,—вполнѣ „научно"—изслѣдованія всѣхъ деревень и городовъ и обложили каждую общину налогомъ во столько-то фунтовъ шерсти. Въ случаѣ недобора этого шерстяного налога община должна была платить по 75-ти марокъ за каждый недостающій фунтъ.

И такъ дѣлалось во всемъ. Конечно, въ Бельгіи, какъ и вездѣ, есть ловкіе люди, пользующіеся ужаснымъ положеніемъ страны, чтобы наживаться на мелкой и крупной торговлѣ. *Но масса населенія давно вымерла бы голодной смертью, если бы ее не кормилъ международный комитетъ,* и распредѣленіе ввозимой комитетомъ пищи не взяли на себя американцы.

Такое же разореніе внесутъ нѣмецкія арміи и у насъ, если онѣ проникнутъ еще глубже въ Россію. А между тѣмъ въ „очередяхъ" въ Москвѣ вы слышите такія рѣчи: „Что-жъ! Если нѣмцы придутъ въ Москву, хуже не будетъ: у всѣхъ будетъ хлѣбъ. У нѣмцевъ нѣтъ бѣдныхъ и богатыхъ!" И такія рѣчи, нашептываемыя всякими темными личностями изъ царской охранки и изъ нѣмецкихъ источниковъ, повторяются вслухъ въ „очередяхъ", тогда какъ о грабежахъ, совершаемыхъ нѣмцами въ Бельгіи, никто не рѣшается говорить,—не то изъ боязни „посѣять народную вражду", не то изъ страха навлечь на себя гнѣвъ циммервальдистовъ.

III.

Но не одно разореніе во время войны ждетъ русскій народъ, если мы вынуждены будемъ заключить „нѣмецкій", гинденбурговскій миръ, наложенный на насъ съ ножомъ къ горлу. Если заключенъ будетъ такой миръ,— а именно на него толкаютъ насъ циммервальдисты и лже-интернаціоналисты,—то разореніе будетъ продолжаться десятки лѣтъ, такъ какъ русскому народу придется выплачивать громадную контрибуцію, или,—что сводится къ тому же,— громадныя подати, наложенныя на Россію коммерческими трактатами, заключенными въ пользу Германіи. У насъ есть, конечно, люди, увѣряющіе нашу темную, малограмотную бѣдноту, что „если нѣмцы наложатъ на насъ контрибуцію, ее заплатятъ богатые: бѣднымъ нечѣмъ-де платить",—такъ учатъ русскій рабочій людъ тѣ же учителя. И рабочій людъ вѣритъ имъ.

Но каково слышать это намъ, когда мы *видѣли*, какъ во Франціи рабочій людъ,—мастеровые, крестьяне и всѣ бѣдные вообще, въ теченіе долгихъ лѣтъ выплачивали контрибуцію послѣ разгрома Франціи нѣмцами въ 1871 году?

Были тогда и во Франціи агитаторы, увѣрявшіе рабочихъ, что контрибуцію заплатятъ богатые. Но всѣ доходы милліонеровъ тогдашней Франціи, вмѣстѣ взятые, не покрыли бы и десятой доли контрибуціи въ пять милліардовъ, наложенной Бисмаркомъ. Выплатили ее, какъ всегда выплачиваютъ всѣ государственные долги и налоги, десятки милліоновъ трудового населенія; выплатили тяжелыми податями и налогами на все: на пищу, на одежду,

на спички, на свѣтъ въ избѣ, на окна въ крестьянской хижинѣ, на образованіе. И это такъ разорило Францію, что даже черезъ 15 лѣтъ послѣ 1871 года она еще не могла давать путнаго первоначальнаго обученія всѣмъ своимъ дѣтямъ. Не хватало денегъ, и одну треть дѣтей приходилось оставлять въ рукахъ невѣжественныхъ монахинь!

Я не говорю уже объ условіяхъ, которыя конечно наложитъ на насъ торжествующая Германія, чтобы поработить русскую промышленность и русскій народъ *экономически*. Есть тысячи способовъ ограничить ту или другую отрасль русской промышленности, — напримѣръ, выдѣлку стали, машинъ, ситцевъ и т. п.—и заставить насъ покупать эти товары въ Германіи; или же ограничить нашъ вывозъ нефти и сырья вообще въ другія страны, кромѣ Германіи, и понизить, какъ заработную плату нашимъ рабочимъ, такъ и цѣнность русскаго рубля.

Всѣми этими способами широко воспользуются нѣмецкіе капиталисты, если они будутъ диктовать намъ условія мира. „Нѣмецкій миръ“ неизбѣжно приведетъ насъ къ экономическому порабощенію.

Но есть еще одно послѣдствіе „пораженческаго“ мира, еще болѣе ужасное, чѣмъ контрибуціи и разореніе страны. Это—*психологія побѣжденной страны*.

Я знаю эту психологію, создавшуюся во Франціи послѣ пораженія 1871 года; тридцать съ лишнимъ лѣтъ мы переживали ее. Только въ началѣ 1900-хъ годовъ замѣтилъ я первые признаки выздоровленія Франціи отъ гнетущаго чувства, принижавшаго всю психику французскаго народа

послѣ военнаго разгрома, послѣ потери двухъ богатыхъ областей, уплаты контрибуціи и тяжелыхъ, унизительныхъ условій франкфуртскаго мира, запрещавшихъ французскому народу даже принимать мѣры для самозащиты. Всѣ эти годы Франція жила подъ страхомъ новаго разгрома Германіей, едва только Берлину не понравится ея *внутренняя*, демократическая, республиканская политика, или едва французская демократія не угодитъ русскому царю,—ея единственному возможному союзнику.

Угнетенное настроеніе сказывалось тогда во всемъ. Чувство безнадежности, сознаніе своего безсилія, потеря вѣры въ свой народъ и въ его будущее охватили всю страну. *Потеря вѣры въ самихъ себя* чувствовалась даже въ лучшихъ, недавно еще дерзки-смѣлыхъ борцахъ. Съ упадкомъ вѣры въ свои собственныя силы являлась готовность искать спасенія откуда бы то ни было извнѣ, хотя-бы для этого пришлось отказаться отъ лучшихъ завѣтовъ революціоннаго прошлаго. И отражалось это во всемъ: въ литературѣ, въ наукѣ, въ возрожденіи мистики, въ философіи, въ упадкѣ общественной нравственности, въ равнодушіи къ судьбамъ Франціи и мірового прогресса вообще, а слѣдовательно, — что было всего хуже, — *въ силости творчества жизни*, безъ котораго народъ можетъ только прозябать.

Чувствовать это, переживать это—такой ужасъ, что, когда я случайно упомянулъ объ этой психологіи побѣжденнаго народа съ трибуны Московскаго Совѣщанія, и въ нѣсколько секундъ пережилъ въ воспоминаніи набольвшее въ сердцѣ за эти тридцать лѣтъ, я долженъ былъ употре-

бить надъ собой невѣроятное усиліе, чтобы тутъ же не быть вынужденнымъ оборвать свою рѣчь.

А между тѣмъ развитіе такой психологіи въ *побѣжденномъ* народѣ неизбѣжно. Общественная самозащита противъ чужеземныхъ и внутреннихъ угнетателей — такое *основное* чувство для всякаго человѣческаго общества, что измѣна этому чувству роковымъ образомъ ведетъ за собою ослабленіе самыхъ основныхъ началъ всякой общественности. Развивается мысль: „моя хата съ края"; личная нажива возводится чуть не въ принципъ, и соотвѣтственно ослабляется чувство *взаимности,* солидарности, круговой поруки въ жизни народа. Утрачивается сознаніе *равенства въ правахъ для всѣхъ членовъ общества*, и является роковое послѣдствіе,—утрата вѣры въ основныя начала общественности, даже въ самихъ себя.

Ни одному народу не пожелаю я того, что пережила Франція за эти годы, тѣмъ менѣе — Россіи, освобождающейся отъ вѣкового ига. И ужасъ беретъ меня при мысли о томъ, что̀ готовятъ Россіи наши проповѣдники гинденбургскаго мира, въ какую бездну нравственнаго паденія влекутъ они за собой несчастный, безграмотный, дѣтски-довѣрчивый русскій народъ.

Москва, 6-го октября 1917 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Письмо первое	3
„ второе	14
„ третье	25
„ четвертое	36
„ пятое	49
„ шестое	61
„ седьмое	74
„ восьмое	92
„ девятое	105
„ десятое	116
Оглавленіе	127

Конецъ.

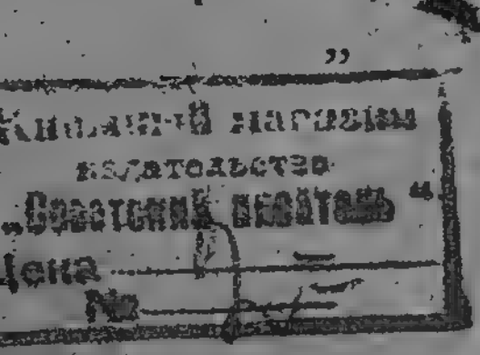
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Цѣна: 2 р. 10 к.

Книги В. Ропшина:

Во Франціи во время войны. Ч. I. Изд. 2-е. Ц. 3 р. 75 к
Во Франціи во время войны. Ч. II (печатается).
То, чего не было. (Романъ). Изд. 3-е (печатается).

Кропотнинъ, П. А. Письма о текущихъ событіяхъ. Ц. 2 р 10 к.
Ропшинъ, В. и Степунъ, Ф. Письма изъ дѣйствующей арміи (печат.)
Савинкова, С. А. Въ годы стараго режима. (Воспоминанія) — (печат.)
Морозовъ, Н. А. Повѣсти моей жизни. Т. I, изд. 2-е., т. II, т. III и IV (печатаются).
Осоргинъ, М. А. Призраки (Три повѣсти). Ц. 3 р. 50 к.
Его же. Очерки современной Италіи. Ц. 4 р.
Кущевскій, И. А. Николай Негоревъ или благополучный россіянинъ (Романъ). Ц. 4 р.
Давыдовъ, Н. В. Изъ прошлаго. Ц. 5 р.
Короленко, В. Г. Домъ № 13. Ц. 25 к.
Убивецъ. Ц. 55 к.
Повѣсти и разсказы. Т. I, ч. 1-я. Ц. 2 р. 50 к.



Кн-во „ЗАДРУГА".

Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9.
Петроградъ, Гончарная 24.
Отдѣл. въ Харьковѣ: Петровскій пер., 13, кн.-во „Народная свобода".